

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 15

1980

Борис СОПЕЛЬНЯК

ПОСЛЕДНИЙ БРОСОК

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 15

Борис СОПЕЛЬНЯК

ПОСЛЕДНИЙ БРОСОК

РАССКАЗЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1980

Борис СОПЕЛЬНЯК

Борис Николаевич Сопельняк родился в октябре 1937 года на Украине. Вскоре семья переезжает в Москву. Затем — война, эвакуация, трудные послевоенные годы.

После окончания школы поступает в Ленинградский кораблестроительный институт, но, имея успехи в спорте, переводится в институт физкультуры имени Лесгафта. Работая тренером, начинает писать. Первый рассказ был опубликован в журнале «Нева».

Позже Борис Сопельняк работает в газете «Советский спорт», журнале «Советский шахтер», а с 1967 года в «Огоньке». Параллельно учится на факультете журналистики МГУ и успешно его заканчивает.

Очерки и рассказы Бориса Сопельняка печатались в сборниках «Приключения» и «Мир приключений», журналах «Молодая гвардия», «Юность», «Огонек», альманахах «Подвиг», «Родники» и др.

В настоящее время Борис Сопельняк работает корреспондентом «Огонька», член Союза журналистов СССР, член КПСС.

В САНТИМЕТРЕ ОТ СМЕРТИ

Очень хотелось пить. До ближнего родника часа два ходьбы. Да и то неизвестно, сохранился ли он. Можно, правда, вернуться к Таш-Кудуку, но это значит потерять весь день. Нет, только вперед! Туда, где начинаются заросли шиповника и тамариска! Чабаны врать не будут. А они говорили, что гюрзы там живут чуть ли не под каждым кустом.

Андрей шел по стиснутому скалами ущелью. Даже в тени — градусов сорок пять. При каждом вдохе раскаленный воздух ошпаривал гортань, а мелкий колючий песок сыпался прямо в легкие.

«Глоток, всего один глоток!» — билась мысль. Но аварийный запас воды трогать нельзя. Ведь если родник пересох, тогда у Андрея останется только эта фляжка жидкости, теплой и красноватой от марганцовки.

И вдруг за поворотом — пятнышко свежей зелени. Крошечный родничок! Тоненькая струйка просочилась сквозь трещину и прыгнула вниз, выбив в скале небольшую ямку.

Чуть ниже к гранитной стене прилип большой куст шиповника. Куст как куст: зубчатые листья, чуть тронутые желтизной яркие красные ягоды и колючие ветки.

«Пошарю потом,— решил Андрей.— Сперва пить».

Он лег на грудь, прильнув губами к воде, и... Только познавший настоящую жажду может понять, какое наслаждение испытывал Андрей.

Но его не покидало странное чувство: казалось, кто-то за ним подсматривает. Не отрываясь от воды, Андрей скосил глаза и тут же увидел гюрзу. Она лежала в глубине куста. Тупая жабья башка. Мерцающие холодной злобой глаза. Вздутое излом брюхо выставлено на солнце...

«Все ясно. Кого-то сожрала,— подумал Андрей.— Что ж, сытую брать легче... Хороша зверина! Метра на полтора. Эх, жаль, хваталки нет! Ну да ладно, я тебя, милая, крючком... Вот так!»

— Э-э-э, да куда же ты? — закричал Андрей. — Стой, тебе говорят!

Крючок прижал удиравшую змею к камню. Она резко изогнулась и схватила железо.

— Умница. Только держи подольше!

Андрей просунул руку между ветками и крепко взял змею у основания головы.

— Так. Теперь будем вынимать... Осторожно, толстуха, не уколись! Тут кругом колючки!

Но гюрза не сдавалась. Длинное тугое тело напряглось и рванулось в сторону. Вверх! Вниз! Потные пальцы скользнули по шее, и змея мгновенно вцепилась в рукав. По ткани расплывалось желтоватое пятно.

— Ну и дуриха же ты! Только яд зря теряешь... Все равно я хитрее.

Андрей чуть ослабил натяжение и тут же рванул змею вниз... Острая боль пронзила кисть!

«Не заметил вторую, — мелькнула страшная мысль. — Потревожил — и она ударила».

Машинально Андрей разжал пальцы и выпустил змею. Не родился еще человек, который смог бы безнаказанно отдернуть руку от расвирепевшей гюрзы. Она бьет зубами со скоростью пули и только потом удирает.

Так случилось и сейчас. Два здоровенных саблевидных зуба вонзились в запястье. Пасть сомкнулась мертвой хваткой. Андрей вскрикнул и отскочил в сторону... На руке висела большущая гюрза.

Даже укушенный, Андрей не мог допустить, чтобы она ушла. Он быстро поймал змею и посадил ее в мешок.

— Так... Теперь займемся рукой. Надо спустить отравленную кровь.

Острый нож глубоко рассек тело чуть выше места укуса. Хлынула и тут же свернулась черная, как деготь, кровь.

— Скверно... Значит, яд уже впитался.

Андрей отбросил нож и зубами вгрызся в руку. Боль была адская. Но он заставлял себя стискивать зубы сильнее и сильнее. Андрей рвал неподатливое живое тело до тех пор, пока не почувствовал, как ровной широкой струей потекла кровь.

— Отлично... Теперь — укол.

Андрей достал аптечку. На самом дне коробочки лежала жизнь, запаянная в стеклянную ампулу. Он обломал кончик ампулы и втянул противоземную сыворотку в шприц. Потом закатал рукав. Примерился. Резкий взмах и... хр-р-умк!!! Стекланный шприц ударился о рукоятку ножа и с хрустом развалился на части.

Андрей собрал осколки. Пересчитал их. Сбился. Начал снова... В каком-то жутком оцепенении он снова и снова пересчитывал осколки. Ни одной мысли. Ни капли страха. Вдруг он дернулся. Внутри что-то оборвалось, и его вырвало.

«Готово. Яд уже действует... Надо идти в лагерь. Ребята помогут. Останусь здесь — умру».

Больше часа Андрей шел вниз к Таш-Кудуку... В палатке пусто. Олег и Виктор еще не вернулись. Андрей сел у палатки. Больная рука горела. Голова кружилась. Какие-то красные круги плыли перед зрачками. Они дробились, удалялись, потом снова соединялись, пытаясь втиснуться в глазницы. Андрей хотел приподнять руку. Она не повиновалась. Сильная судорога сотрясла тело, и Андрея вырвало кровью.

«Вот и все, — словно во сне подумал Андрей. — Как просто и глупо!..»

Кровь снова хлынула изо рта, и Андрей потерял сознание.

В жизни Андрея все происходило «вдруг». Еще два года назад он был самым обычным аспирантом и заканчивал работу над диссертацией. И вдруг Андрей прочитал, что один американский ученый, который, как и он, работал над проблемой стимулирования обмена веществ, очень успешно применяет препараты змеиного яда.

Это было настолько интересно и неожиданно, что Андрей решил как следует изучить свойства этого яда. Но где его взять? О том, чтобы купить, не могло быть и речи — так баснословно дорого он стоил. Выручил один знакомый зоолог.

— На днях еду ловить гадюк, — сказал Алексей. — Фармацевты налаживают производство нового лекарства, поэтому нужно много змеиного яда. А я знаю один приличный очаг. В общем, договор в кармане, рюкзак упакован. Если хочешь, поедем вместе. И яду себе добудешь, и змей научишься ловить. Андрей согласился. А через месяц в институтской газете появился рассказ Андрея о его первой охотничьей экспедиции.

«Как вы думаете, что легче — поймать змею или ударить от нее? Наверняка большинство ответит: если отпустит, то ударить. Я тоже так думал, пока не стал змееловом.

Представьте такую картину. По утыканному моховыми кочками болоту бредет человек. Ни один пенек, корень дерева или разросшийся куст не ускользает от его внимания. Ноги отмеривают уже тридцатый километр. Присесть бы! Вылить воду из сапог. Достать термос с чаем... А вот и отличный пенек. Решено: привал.

И вдруг человек замечает змею! Она черной лентой расплалась на солнцепеке и, кажется, ни на что не обращает внимания. Змея таких внушительных размеров, что лучше с ней не связываться. Но в кармане у человека договор, где сказано, что он обязался поймать ни много ни мало пятьсот гадюк. А в мешке пусто. Куда уж тут бежать...

И вот я крадусь к змее. Она забеспокоилась, подняла голову. Потом злобно зашипела и стремительно бросилась к норе.

Тут уж приходится переходить к насилию. Прыжок! Гадюка прижата крючком. Она мгновенно изворачивается и кусает крючок, сапог, все, что может достать, оставляя капельки смертоносного яда!

Щелк! Я зажал пасть пинцетом и взял змею в руки. Она яростно бьет хвостом, обвивает кисти! А страшные ядовитые зубы всего в сантиметре от пальцев. Наконец змея в мешке! Первая змея, пойманная самостоятельно! Я вытер со лба прохладный пот. Убедился, что в луже, куда забрел, уже не идет от ног мелкая рябь. Гордо поднял голову, расправил плечи и эдаким орлиным взором окинул болото:

«Ух, проклятые! Испугались! Попрытались! Ничего, я еще до вас доберусь!» В общем, чувствовал себя так, будто первым влез на вершину Эвереста или забил решающий гол.

Но человек привыкает ко всему. Через пару дней я брал гадюк, «чувств никаких не изведав», и швырял их в мешок. Правда, мысленно все время напоминал, что еще ни один летчик не разбился во время первого полета. Роковая встреча с землей происходит гораздо позже, когда пилот уже не столь внимателен и собран.

Настал такой день и для меня. Это было первое по-настоящему серьезное испытание. Я уже поймал около сотни змей и стал, мягко говоря, несколько самоуверен. Охота в тот день была особенно удачной. Но когда я опускал в мешок двадцатую гадюку, она вдруг резко изогнулась и выскочила наружу. Кратчайший путь на землю — моя левая рука, которая держит мешок. Змея пошла по руке.

Нормальный человек должен отдернуть руку. Это естественно. Меня бы это погубило. Я вовремя вспомнил, что на коротком расстоянии змея ориентируется с помощью терморегулятора и кусает любой предмет, излучающий теплоту. Но неподвижный источник тепла она не атакует. Так что при малейшем движении я получил бы укус.

Мне оставалось только ждать. Ждать, когда она соскользнет с руки. И если эта полуметровая тварь вздумает ползти под рубашку или на шею, я не шелохнусь! Где-то билась

мысль, что в мешке еще девятнадцать змей, что они тоже могут ползть на волю и путь у них все тот же — рука.

А гадюка ползла и ползла... Когда ее голова была около локтя, я наконец сообразил, что надо делать. Другой рукой достал пинцет, осторожно поднес его к голове змеи, и... через мгновение она билась в мешке».

Ловля ядовитых змей затягивает похлестче рыбалки или охоты. Видимо, поэтому после защиты диссертации Андрей снова поехал в экспедицию. Вскоре он научился ловить эф, а потом кобр и гюрз. Через его руки «прошло» несколько тысяч этих смертельно опасных змей, но ни одной из них не удалось преодолеть тот сантиметр, который отделяет ядовитые зубы от пальцев змеелова. И все же Андрей прекрасно понимал, что рано или поздно придет день, когда этот сантиметр исчезнет.

Олег еще издали заметил лежащего Андрея.

«Вот дьявол,— подумал он,— дрыхнет! Нет чтобы обед приготовить!»

— Друг называется, — ворчал Олег, переодеваясь в палатке. — Если моя очередь, ему и в голову не придет сварить какой-нибудь супешник... Ну, чего молчишь? Хоть бы костер развел... Да, ты знаешь, Витька-то опять к мазару пошел! Не верю я, что там есть гюрзы.

Олег не спеша начал разводить костер. Огонь прыгал по веткам, скручивал листья, но костер не разгорался.

— Чертовщина какая-то! Дай спички! — крикнул Олег. — Спишь?.. Ладно, сам возьму. Г-мм, в куртке нет. Посмотрим...

И вдруг он увидел багровую, покрытую чернильными пятнами руку Андрея. Олег медленно опустился на колени. Перевернул Андрея на спину. Нащупал пульс.

— Та-а-ак... Нарвался.

Олег внимательно осмотрел место укуса. Разрез. Рваную рану.

— Все ясно. Выгрызал... Но где же след укула? Сыворотка у него была. Значит, укол сделал. Наверняка сделал.

Но когда Олег увидел в здоровой руке Андрея судорожно зажатым обломок шприца, он все понял.

«Что же делать?.. Куда бежать? — лихорадочно думал Олег. — Моя аптечка у Витьки. Он — в Рамазан-сае. Туда и обратно — часа три, не меньше... Андрей может не дожидаться. Может быть, встречу Витьку по дороге?»

Олег втащил Андрея в палатку. Потом достал фляжку и влил ему в рот стакан водки.

— Ну, Андрюха, я побегал... Ты только меня дождись! Обязательно дождись!

Виктор спешил. До лагеря еще час ходу, а фиолетовая темень уже выползала из ущелий и плотно обволакивала горы.

«Ничего, доберусь и впотьмах,— успокаивал себя Виктор.— Не впервой».

И вдруг он услышал шум камней и хриплое дыхание. Виктор схватился за нож и прижался к скале... Из-за поворота показался человек. Но самое странное — он не шел, а бежал. Бегущий человек в горах такая редкость, что Виктор еще больше насторожился.

Когда Виктор узнал Олега, у него перехватило дыхание и противно засосало под ложечкой.

— Олег! — закричал он. — Что случилось?!

— Андрея... гюрза... в руку... — задыхаясь, выдавил Олег.

— Укол сделал?

— Он... разбил... шприц... Лежит... без сознания. Я — за тобой. Надо вводить обе ампулы. Побежали!

Виктор тяжело опустился на камень. Снял рюкзак. Достал аптечку.

— Нет у меня сыворотки, — тихо сказал он. — Видишь — пустая коробка. И твоя пустая. Я был у чабанов. Прискакали из соседнего ущелья: бригадира гюрза цапнула. Пришлось обе ампулы...

— Та-а-ак. Сразу обе! Щедрый очень! Ладно, морду набью потом... Что с Андрюхой делать? Часа два он продержится. Потом — конец.

— Да-а-а. История... Подожди, — встрепенулся Виктор. — Я вчера Лешку видел. У него сыворотка наверняка есть! Вот что. Ты возвращайся назад, а я побегу. Лешка у Кизил-Булака. Жди часа через полтора!

— Куда ты? — закричал вслед Олег. — Темнеет. Не найдешь ты ночью Кизил-Булака!

— Найду! — уже со скалы ответил Виктор. — Нужно найти!

Алексей заканчивал ужин, когда к костру шагнул старик с окладистой бородой.

— Хлеб-соль! — сказал он, улыбаясь.

Узнать деда Захара можно было с закрытыми глазами: никто не говорил в горах таким «окающим» волжским говорком,

как этот знаменитый горьковский пасечник. Уже два года он жил в соседнем совхозе и строил какие-то особые ульи. Знали деда и как заядлого охотника.

— Ем, да свой! — в тон ему ответил Алексей. — Садись, батя. Чаю выпьешь?

— А что ж, не откажусь. Полезный, скажу тебе, напиток. Недаром в старину говорили: чай не пьешь — откуда ж сила?

— Это верно. Ты пей, батя, не стесняйся. Сахар-то бери... Подстрелил что-нибудь?

— А как же! Пять куропаток за вечер! А у тебя что в мешках-то?

— Змеи.

— Ловишь аль убиваешь?

— Ловлю.

— То-то! А откуда яд у змей, знаешь? Где они его берут? Молчишь... Ну, так я тебе скажу: из растений да цветов ядовитых! Есть цветы полезные: лекарственные там или медовые. А есть ядовитые, вредные. Так вот, змеи ползают утренними зорями по лугам и сосут яд из вредных цветов. Высосут яд — глянь, и цветок стал полезным. Недаром в старое время говорили, что хоть и опасный змея зверь, а без нее не обойтись.

— Может быть, в старину так оно и было, — улыбнулся Алексей. — Но вообще-то яд нужен змее для пищеварения. Если у той же гадюки удалить ядовитые железы, то мышонка или лягушку ее желудок не переварит. Змеинный яд опасен только тогда, когда попадает в кровь.

— Вот я тебя и поймал! На прошлой неделе моего боровка какая-то гадина цапнула. И ничего, даже не болел!

— Подумаешь, не болел! Секрет простой: у свиньи толстый слой сала. В нем кровеносных сосудов почти нет. Так что яд гюрзы сквозь сало не проходит и, значит, никакого вреда свинье не причиняет. Поэтому и боровок твой не болел.

— Ишь ты! Ну, ладно, спасибо за науку, за чаек. Пойду я. У меня за той горкой шалашик стоит. Дома-то спится лучше.

Едва старик скрылся, как Алексей поставил полог, расправил спальный мешок и, лежа на спине, блаженно потянулся всем телом. Целый день он был на ногах. Целый день карабкался по скалам и спускался в глубокие ущелья. Километров сорок пришлось отмахать, не меньше. Ведь самое сложное — не поймать змею, а найти ее. Ноги к вечеру деревенеют, а тело, кажется, скрипит от усталости.

Алексей вздохнул всей грудью и закрыл глаза. Мягкая, теплая дрема взяла его в ладони и начала раскачивать из стороны в сторону. Чей-то слабый голос звал:

— Эге-гей! Леш-ка-а-а! Отзови-и-ись!

Алексей стряхнул дрему и прислушался. Кто-то спускался по тропе и кричал:

— Лешка-а-а! Лешка-а-а!

Алексей вылез из полога и замигал фонариком в сторону голоса. В ответ тоже сверкнул огонек, и скоро перед Алексеем вырос запыхавшийся Виктор.

— Чего бродишь? — недовольно буркнул Алексей. — Заблудился?

— Сыворотка есть? — вместо ответа выдохнул Виктор.

— Две ампулы. А что?

— Андрюшку зацепила... Лежит без сознания.

— Где?

— У Таш-Кудука. С ним Олег.

— Сколько ввели сыворотки?

— Нет у нас сыворотки. За ней и пришел.

Алексей нырнул в полог, взял рюкзак и побежал к тропе.

— Старайся не отставать! — крикнул он на ходу. — Здесь иногда барсы бродят!

Часа через полтора Алексей и Виктор вышли к обрывам Таш-Кудука. Одного взгляда на Андрея было достаточно, чтобы понять его состояние. Алексей ввел ему обе ампулы сыворотки.

— Надо бы еще, — словно извиняясь, сказал он, — но у меня больше нет.

— Худо дело, ребята. Что же делать? — тихо спросил Олег.

— Вот что! — решительно встал Алексей. — Понесем его в совхоз. Там есть больница. По тропе дойдем часа за четыре.

Поднялся и Виктор.

— Надо сделать носилки. Пойдем, Олег, срубим несколько веток с тала. Захвати фонарик, посветишь. В темноте можно на гюрзу нарваться.

Руки онемели. Пальцы сами собой разжимаются, и носилки все время выскальзывают. Ноги спотыкаются о каждый крошечный камешек.

Идущий впереди освещает дорогу неровным, прыгающим лучом фонарика. А кругом такая крошечная тьма, какая бывает только в горах. В пути уже второй час. Устали невероятно. Но об отдыхе никто не думал.

Наконец Алексей не выдержал и хрипло бросил:

— Передохнем... А то сами свалимся.

Вышли на широкий взлобок и остановились. Далеко внизу — россыпь огней.

— Это совхоз, — сказал Алексей. — Еще часа полтора.

— Смотри левее, — перебил Олег. — Там тоже огни. И они ближе.

— Лешка, это же геолог! — вскочил Виктор. — До них километра два, не больше. Я видел у них вертолет!

— Это в Сангизар-сае, — раздумчиво ответил Алексей. — Туда нужно идти напрямиком. Тропы я не знаю.

— Зато гораздо ближе совхоза. И вертолет! Часа через два Андрей будет в Самарканде! — настаивал Виктор. — Сворачиваем! Пройдем как-нибудь!

— Свернуть-то можно, — согласился Алексей. — Только идти придется напролом. Прямо через Кучкарчи-сай. А крутизна там, братцы! Да и заросли...

Кучкарчи-сай... Никогда не забыть спуск по этому узкому, каменистому желобу, заросшему колючим кустарником. Он спадает к подножию хребта гигантскими ступенями. Здесь и днем не каждый рискнет пройти. Через заросли приходится буквально продирааться, а местами даже проползать под колючими ветками. А если учесть, что гюрз в Кучкарчи-сае немало и сидят они ночью в основном на кустах, нарваться на змею проще простого. Поэтому Алексей сказал:

— Олег, срежь-ка хорошую ветку и похлещи по кустам.

Едва Олег ударил по ближнему кусту, как раздалось несколько звучных шлепков.

— Попрыгали... Можно идти.

Олег ринулся вперед. Он лез напролом, расчищая путь для носилок. Рубил толстые колючие ветки ножом, ломал их руками, топтал, раздвигал грудью... Вскоре лицо, шея и руки покрылись кровью. Но Олег упорно прокладывал тоннель для товарищей.

Им было не легче. Где-то впереди метался пятачок света от фонарика, а под ногами фиолетовая темень. Того и гляди оступишься, и тогда не удержат никакие кусты.

Даже сквозь треск иногда слышались мягкие шлепки: потревоженные гюрзы кидались с веток. А днем — поди поищи их! Все трое старались не думать, что какая-нибудь затаилась у камня. Наступишь на нее нечаянно...

Через час показались огни геологического лагеря. Олег вдруг резко остановился, отшатнулся назад.

— Все. Дальше не пройти, — прохрипел он. — Овраг. С отвесными стенами.

Поставили носилки. Осмотрелись.

— Придется идти за помощью, — сказал Виктор. — Олег, ты вроде посвежее...

До лагеря Олег дошел, но у крайней палатки свалился. Он еще видел сгрудившихся под навесом людей, слышал доносив-

шийся из динамика рев стадиона и слабый голос комментатора: «Ничего не поделаешь, гол есть гол. Португальские футболисты забили второй мяч. Нашим ребятам придется начинать с центра. Счет...»

Громкий лай заглушил голос комментатора.

— Проклятье! Уймите эту окаянную собаку! — раздалось несколько голосов.

Из палатки выскочили двое и побежали на лай. Собака яростно рычала и бросалась на какой-то темный предмет. Сбежали за фонарем. Позвали товарищей.

На земле сидел окровавленный человек и пытался что-то сказать.

— Дайте воды! — сказал начальник партии.

— Там... — оторвавшись от кружки, выдавил незнакомец. — У Кучкарчи-сая. Несут Андрея. Помогите...

Четверо тут же кинулись в темноту.

Начальник партии сразу узнал Алексея.

— Лешка! Что случилось?

— Гюрза, — сказал Алексей. — Сыворотка нужна. Срочно. — Нет у нас сыворотки, — запнулся начальник. — Что другое — пожалуйста.

— Посылай в совхоз. Быстрее! Или... или дай вертолет. В Самарканд отправим Андрюшку.

— Где Горин? — крикнул начальник.

— Здесь я.

— Заводи своего мотыля!

— Что вы, Александр Петрович! Я же никогда не летал... То есть ночью не летал. Разобьемся. Как пить дать разобьемся. И потом, в горах запрещено...

— Умрет он, — перебил Виктор. — Понимаешь, умрет.

— Я что... Я пожалуйста, — смутился летчик. — Только ведь разобьемся. Все разобьемся.

И тут Алексей почувствовал такую нечеловеческую усталость, так ему стало все безразлично, что он махнул рукой, сел у костра и начал дремать.

«Вот и все. Приехали, — медленно плыло в голове. — Не видать тебе больше, парень, ни гор, ни неба. Не будешь вышагивать по сорок километров в день в поисках змей. Отдыхай себе. Спи. Уснут и те, кто ждет лекарств из яда... Тысячам людей несет гюрза жизнь, и только одному змеелову — смерть.

Эхе-хе!.. Не летит, проклятая жестянка. Хотя летчик прав. Гробанемся. В горах это просто».

А человек умирал. Умирал на глазах у десятка здоровых парней, бессильных чем-нибудь помочь. Геологи хлопотали око-

ло Андрея: один предлагал спирт, другой тащил чай, третий... Все это делалось в тревожной и какой-то вяжущей тишине.

— Радио, — забормотал Олег. — Телефон. Братцы, «неотложку» вызовите!

— Бредит, — сокрушенно сказал начальник.

— Ничего он не бредит! — закричал Алексей. — Молодец, Олег! Где у тебя рация, начальник?

Через минуту в эфир несло:

— Всем, кто слышит! Всем, кто слышит! В ущелье Сангизар, в лагере геологической партии, лежит человек, укушенный гюрзой. Он умирает. Нужна сыворотка! Нужна сыворотка! Нужна сыворотка!

Александр Петрович и не подозревал, что вышел в эфир в то время, когда радиостанции всего мира молчат. Это были те самые минуты абсолютной тишины, когда передавать можно только сигналы бедствия.

Первым отозвался радиолюбитель из Ленинграда. Он спросил, как называется сыворотка, и помчался в медицинский институт. Потом отозвались Москва, Челябинск, Свердловск, Караганда... Наконец ответил Самарканд.

— Сообщите состояние больного! — требовали оттуда.

— Общее отравление. Пострадавший без сознания.

— Есть ли поблизости посадочная площадка?

— В совхозе. Пять километров от лагеря.

— Ждите самолет, — сказал Самарканд. — Он сбросит контейнер с сывороткой. Для ориентировки разложите костры треугольником. Получение сыворотки подтвердите. Как поняли? Прием.

— Вас понял. Жду самолет.

Треугольник из костров врезался в темноту. Все молчали и слушали... слушали... слушали... Вернулись посланные в совхоз. Сыворотки в больнице не оказалось. Теперь единственная надежда на самолет.

— Летит! Летит! — закричали вдруг от костров.

Огни самолета вынырнули из-за темной громады хребта. Самолет низко пронесся над лагерем и сбросил контейнер прямо в центр треугольника.

— Александр Петрович, Самарканд зовет! — крикнул радист.

— Геолог! Геолог! У микрофона врач-токсиколог! — говорил Самарканд. — Какая помощь оказана пострадавшему?

Все облегченно вздохнули. Врач есть врач. Теперь Андрея лечили по всем правилам медицины.

Потом Самарканд потребовал, чтобы Андрея доставили к посадочной площадке.

На рассвете, когда Андрея принесли на импровизированный аэродром, самолет уже кружил над совхозом. На земле еще держалась предрассветная мгла, но самолет был хорошо виден. Он кружил и кружил, ожидая, когда можно будет сесть.

Андрей открыл глаза, когда его переключивали на подвесные носилки.

— Ну, как, Андрюха? — спросил Алексей.

— Ни-че-го, — протянул Андрей. — А ты... откуда взялся?

— Случайно. Мимо проходил. Тебя по пути захватил.

— Куда меня?

— В Самарканд. А ты молодчина. Держись так и дальше! Гюрза-то тебя поцеловала приличная. Таких и я не ловил.

— Две, — прошептал Андрей. — Одну я взял. А вторая ушла...

— Как две? — встревожился Алексей.

Андрей рассказал, как тащил гюрзу из куста и вспугнул соседку.

Алексей лихорадочно соображал:

«Значит, в месте второго укуса есть яд. Если его не удалить, Андрей погибнет наверняка!»

— Дай-ка осмотрю руку! — сказал он.

Хоть Андрей и выгрыз место укуса, следы змеиных зубов были заметны. Но сколько Алексей ни искал, второй раны не было видно.

— Ниже... На кисти, — прошептал Андрей.

И вдруг Алексей увидел... колючку. Обыкновенную колючку, которыми утыкан шиповник. Колючка торчала из раны. Алексей потрогал ее кончик. Андрей застонал:

— Здесь.

Алексей облегченно вздохнул и улыбнулся.

— Потерпи немного... Вот так. На, держи на память! Хорош зубок, а? Ты же просто наткнулся на колючку.

Летчик крикнул: «От винта!» И самолет взмыл в небо.

ЗАКОН ЛЕСА

Что ни говорите, а середина апреля в Вологодской области — это еще не весна. Только-только прошел лед. На северном берегу Сухоны лежит снег. И водой его подмывает и солнцем нет-нет да ошпарит, а он только темнеет да оседает. А ночью как прихватит морозцем, как задует сиверко с Белого моря, такая на снегу наледь намерзнет, что все люди да и звери, поди, чертыхаются... Видел вчера, как лось забежал на та-

кую наледь — испугал кто-то, не иначе. Метров сорок сгоряча проскочил, а за ним след кровавый: до кости ноги ободрал ледяной коркой.

Шерстнев тоже пострадал — поленился обойти овражек и полез по снегу. Сапоги, конечно, как бритвой рассекло.

Через полчаса Шерстнев сменил меня у руля моторной лодки, а я влез под брезентовый тент и забрался под сено. Удивительно уютно чувствуешь себя в такой вот «дюральке». Картаво тарыхтит мотор, шепеляво булькает вода. Холодно. А ты зарылся в сено, надышал за пазуху — и такая подкатывает сладкая дрема, что, кажется, никогда в жизни не было так хорошо.

Но за последнюю неделю это единственная радость. Все это время я только и делаю, что кляню судьбу. Судите сами: ни с того ни с сего я стал госохотинспектором. Правда, на общественных началах и только на один сезон, но все равно это значит — самому не пострелять да еще и поссориться кое с кем из друзей. Шерстнев так и сказал:

— Твое дело — следить за нормами и правилами отстрела. Бить можно только селезней, и не больше пяти в день. Если что — штрафуй или отбирай ружье!

Хорошенькое дело — отбирай. Кто его даром отдаст-то? Ну, а если и сшиб утку, что ее — выбрасывать?! Я и сам не раз мазал: не такое уж легкое дело — попасть в селезня. Птица-то к нам попадает стеганая. Сколько по ней стреляли, пока летела с южных озер! Волей-неволей и хитрить научишься. Селезень, тот идет на брющем полете да еще с какими-то рывками и нырками. А утка тянет по прямой, вот и попадает под выстрел. Хороший охотник всегда спешит эту утку оципать — и в котел. Тут главное — закопать перья. А что в котле: утка или селезень, не определит ни один инспектор.

Да-а, на этот раз утятинки мне не попробовать. До чего же хитер этот Шерстнев! Знал, дьявол, чем взять. Два года прошу похлопотать за меня в милиции: уж очень хочется иметь карабин, но без разрешения председателя общества охотников нарезное оружие не продают. А тут вдруг вызвал и говорит:

— Два инспектора ушли на пенсию. Третий заболел. Узнают браконьеры — обнаглеют. Словом, считай, что тебе повезло: поработаешь инспектором — получиай карабин. Тебе какой, «Лось» или «Барс»?

— Лучше, конечно, «Лось», — буркнул я, понимая, что отныне придется охотиться одному. Но желая «продать» себя по дорожке, решительно добавил: — Только с оптикой!

— Вот и ладно! — потирая руки, крикнул Шерстнев. — Завтра же отвезу к Парменычу. Участок спокойный, егерь он старый, опытный, таких на всю область раз-два и обчелся. Не

робей, Андрюха! Походишь с ним, войдешь во вкус — благодарить будешь, — заметив мою кислую мину, подчеркнуто бодро сказал Шерстнев. И как бы между прочим закончил: — Опять же оптические прицелы на дороге не валяются...

Так я оказался в «дюральке» Шерстнева. «Ничего, — думал я засыпая. — Поброжу месячишко, малость поругаюсь, зато карабин мой». И вдруг над самым ухом бабахнул выстрел!

— Черт, промазал! — крикнул Шерстнев.

— Что? В кого?

— Селезень летел. На ужин бы...

Я вылез из-под тента и ахнул! Все — и берега, и деревья, и лодка — белым-бело! Пока я дремал, выпал снег. Да и подморозило изрядно.

— Все, приехали, — сказал Шерстнев. — Хорошо, что Парменыч дома.

Лодка ткнулась в берег, и мы полезли к небольшому бревчатому домику с примерзшим к трубе столбом дыма. На пороге стоял хозяин и пытался определить, каких это принесло гостей. Невысокий, вроде даже щуплый, он зябко переступал надетыми на босую ногу калошами и нетерпеливо хлопал себя по ляжкам. Вдруг он ринулся с крыльца.

— Шерстнев?! Вот так номер! Ай да удумал! Ай да молодец! В самое время! Перелетная пошла. Кряква, шилохвость. Ну, постреляем!

Он прискакивал около Шерстнева, то и дело терял калоши, семенял за ними, боязливо припадая на разбитые пятки, и все время сыпал короткими, круглыми, как гольши, словами. При этом он так напирал на «о», что я почувствовал — это самые что ни на есть заповедные места Вологодской области.

— Ты погоди-ко, — отступил он на шаг. — Не ты пальнул-то? Вроде как шестнадцатым калибром шарахнули. «Венгерка» твоя никак шестнадцатого... Промазал, поди?

— Почему же промазал? — засопел Шерстнев. — Стреляю я, сам знаешь...

— Знать-то знаю, — ухмыльнулся егерь и такую выложил улыбку, что я обомлел — полный рот нержавеющей стали. — А только селезень сейчас по-над кустами держится. Стало быть, что? Чтобы его достать, мотор-то надо глушить. А ты как тархтел своим «Вихрем», так и тархтел. Только газу подкинул, вроде как от злости. Верно я говорю? — простодушно закончил он и, восхищенный собственной находчивостью, шлепнул себя по ляжкам.

— Ну, Парменыч, тебя не объедешь, — развел руками Шерстнев. — Знакомься, инспектора привез. С тобой будет.

— Ливерий Парменыч,— степенно сказал егерь и дощечкой подал сухую, плотную ладонь. К тому же он успел странно звонко стукнуть пяткой о пятку.— Ну что ж, пошли в дом. Ушицей угощу.

Дом — одна комната, маленькая, но очень справная. В углу — топчан. На полу — медвежья шкура. Посередине — крепкий стол на ножках из неструганой березы. На стене — лосиные рога с висящим на них патронташем.

— А вот и мое семейство,— улыбнулся Парменыч.— Трезорка и его заклятый друг Матрос. У-у-у, котя-ара! Ленивый, черт, но смелый.

Трезор поднялся с пола, обнюхал наши ноги, вильнул хвостом и лег у печки.

— Знобит его,— виновато улыбнулся Парменыч.— Ничего, Трезорка, не горюй. Я тебе на ночь молока дам. Горячего, да еще с медом. К утру хвороба и выйдет. А пока погрейся. Вот так, молодец. Лапы-то подбери. Хвост, он не замерзнет, а ноги беречь надо,— заботливо говорил Парменыч, укутывая собаку сдернутым с гвоздя ватником.

Когда съели по третьей миске ухи, Парменыч раскурил трубку, откинулся на топчан и сказал:

— Не знаю, что говорил тебе Шерстнев, а я должен предупредить: народ здесь свирепый. Ружьишком не балуются, живут им. То лося свалят, то норку бьют... Не побрезгуют и лебедем или журавлем: чучела, понимаешь, делают и продают школам. Поймал я прошлой весной одного: лося, гад, убил. Так он в меня пальнул. Картечью. В живот бил, чтоб, значит, наверняка. Ладно, моя «Тулка» спереди болталась. В приклад попал. Приклад, конечно, в щепки, а меня хоть бы царапнуло. Ушел он тогда и от меня и от милиции... А ты говоришь: штрафы! — повернулся он к Шерстневу.— Нет, штрафами здесь не отделаешься. Не знаю, что говорил Шерстнев, а моя инструкция будет такая: встретишь браконьера, кричи, как фашисту: «Руки вверх! Бросай оружие!» А потом заводи разговоры. Пока в руках у браконьера оружие, воспитательные беседы на него не действуют. Правильно я говорю? — сердито спросил он у Шерстнева.

Тот поерзал, похмыкал и, видимо, сдавая позиции в давнем споре, сказал:

— Оно... конечно... если браконьер злостный. А так... Не станешь же из-за утки под суд отдавать.

— Ерофей начинал с утки, а встрetil меня — шархнул, не задумываясь! Так-то вот! — трахнул по столу Парменыч.— Ты, Андрюха, Шерстнева не слушай. Мужик он хороший, но уж больно жалостливый. А при его должности надо... В общем,

если хочешь быть настоящим инспектором, всякую там жалость и приятельность выбрось из сердца вон. Ты ведь кого защищаешь?! Тварь бессловесную, меньшого брата. Она же никакого худа не делает, а мы ее в кровь! Опять же надо подумывать, что останется после нас. Прикинь-ка, кто будет высиживать яйца, если разрешим охоту на уток... Поблагодарят нас внуки? Дурачье, скажут, были наши деды: не было человека, который бы дал им по рукам, вот и распустились! Ты, Андрияха, будешь этим человеком! — торжественно закончил он.

Вдруг Парменьч соскочил с топчана.

— Ах ты, господи! Вот беда-то! Ввел ты меня в грех, Шерстнев. Сколько раз давал зарок не спорить с тобой, а тут разболтался... Трезорка! Трезорушка! Ну, что ты? Ну, что с тобой? Я сейчас. Я мигом!

Парменьч бросился к сундуку, выхватил коробку со склянками, но никак не мог найти нужную. А Трезор как-то странно вытянулся, вывалил язык и мелко-мелко дрожал. Наконец Парменьч нашел пузатый флакон и прямо из него плеснул Трезору в пасть. Тот сразу обмяк, свернулся в комок, длинно, со всхлипом вздохнул и сразу уснул.

— Вот беда-то, — сокрушался Парменьч. — Прицепилась болячка и житья не дает.

— А что с ним? — спросил Шерстнев.

— Кабы знал доподлинно... А то ведь все по-разному. Эх, да что там, все под богом ходим! А жить-то ох, как хочется! Всем — и зверю и человеку.

Парменьч горестно примостился на краешек топчана. А Шерстнев покряхтел, повозился и с уже знакомой, подчеркнуто бодрой интонацией сказал:

— Будем считать, что повестка дня исчерпана! Матрос ушел на охоту, Трезорка спит, пора и нам на боковую. Тем более что утром надо успеть на катер. Моторку я оставляю, так что подбросите до пристани и будьте здоровы!

С восходом солнца мы уже сидели в лодке. Отвезли на пристань Шерстнева и понесли в сторону Степанова болота.

— Озеро проскочим, — гудел Парменьч. — Ершугой пойдем. Только вот больно тихо. Не нравится мне. Ветерок бы...

— Ну да! Чтобы перевернуло! — возмущился я.

Вдруг лодка закрутилась, заметалась. Куда ни сунься — лед.

— Что я говорил?! Намерзло за ночь-то. Ветерок бы...

— А может, попробуем? Потихоньку. Лед вроде не очень толстый.

— Оно, конечно, можно, — поскреб затылок Парменьч. — Только бы лодку не пропороть. Тонуть-то вместе с ней... Лад-

но, давай-ка на корму. Вот. Ледокол — что надо. «Челюскиным» назовем? Ну, лошадушки, сколько вас в моторе-то? Двадцать? Н-но!

Парменыч прибавил газу, и лодка полезла на лед. Он ломался вяло, с хрустом, норовя проткнуть алюминиевые борта «ледокола». Но все обошлось, и часа через полтора мы пристали к берегу.

— Сороку видишь? — сразу же спросил Парменыч.

— Где? На березе, что ли?

— Первым выстрелом спугни, а вторым сними.

Это я проделал играючи. Еще бы, первый разряд по стендовой стрельбе!

— Ты смотри, — удивился Парменыч. — Стрелять, однако, умеешь. Сбить сороку — это даже у Шерстнева не всегда выходит... А вообще-то на сороку заряда не жалей! Зловредная, скажу тебе, птица — утиные яйца лузгает, как семечки.

Осмелевший от похвалы, я решился задать вопрос, который уже много лет мучает всех вологодских охотников.

— Парменыч, ты Шерстнева давно знаешь?

— Мы с ним, парень, вместе воевали. В одной роте. Снайперами были, — строго ответил егерь.

— А чего же тогда зовешь по фамилии? Шерстнев да Шерстнев... Ведь ни одна душа не знает, как его зовут.

Парменыч сел на пень, поджал ноги и зашелся в беззвучном хохоте. Минут пять он не мог разогнуться и только вытирал ручьи слез.

— Уж больно знатное у него имя, — простонал наконец Парменыч. — Аполлон! Может, слышал, бог такой был... Аполлон Федотыч Шерстнев! Мы его Антоном звали, а когда к ордену представили — раскрылось. Генерал у нас был по фамилии Туча. Он так и сказал: «Раз у лучшего снайпера полка божественное имя, пусть похлопочет у бога войны, чтобы допустил быстрее до Берлина». Неделю Шерстнев ходил туча-гучей, а потом взял с меня клятву ни под каким видом не раскрывать его имя... Ты уж, Андрюха, помалкивай, не подводи старика. А то не сносить нам головы. Обоим.

— Ладно, чего уж там, — буркнул я, польщенный доверием.

— Ну, потопали! — поднялся Парменыч. — Покажу наши уголья — и назад. Надолго мне отлучаться нельзя: уж больно Трезорка скучает.

Долго мы ходили по лесу. А в воздухе носились такие запахи, что голова шла кругом. Дунет из сосняка — даже в ушах звенит от густого хвойного духа. Потянет с озера — острая, почти морская свежесть покалывает виски. Но надо всем царил запах багульника.

Протоки, старицы и бочажины кишели птицей. Той самой, которую мне предстояло защищать. Первый раз я смотрел на красавцев селезней, важных гусей и царственных лебедей без желания поднять ружье. Парменыч рассказывал, кто где строит гнезда, как высиживает птенцов, кто эти гнезда разоряет... А я слушал, смотрел и с удивлением чувствовал, как во мне пробуждаются чуть ли не отцовские чувства к этой живности.

Как-то я целый час наблюдал за журавлиной парой. Я видел, как чинно вышагивали они по болоту, как строили гнездо, слышал их нежное курлыкание... Это было утром. А вечером журка метался над островами и кричал так тревожно и тоскливо, что сердце сжималось. Куда девалась его подруга, мы не знали, но оба потянулись к ружьям: днем слышали несколько выстрелов, но решили, что кто-нибудь лупит по сорокам... С полчасика метались по узким протокам, пока не высочили на озеро. Тихо. Пустынно. И только у противоположного берега движется черная точка.

— Дай бинокль, — обернулся я к Парменычу.

— Держи.

— Вижу! Парменыч, вижу! В лодке трое... У-у, гады, заметили. Удирают!

— Не уйду-ут! — сквозь зубы процедил Парменыч и до отказа повернул рукоятку газа.

Мотор звенел. Я не отрывался от бинокля. До берега метров пятьдесят, а браконьеры высочили из лодки и по колено в воде бежали к кустам. Один тащил ружья, другой — что-то завернутое в сети, а третий — десятка полтора уток и... журавлиху.

— Уходя-ят! — завопил я и пальнул в воздух.

— Догони-им! — снова процедил Парменыч и зарядил ружье картечью.

Мы с ходу врезались в отмель и выпрыгнули из лодки. Браконьеры уже в кустах, а мы на открытом месте! Шлепнуть нас — пустяковое дело. То ли браконьеры были трусоваты, то ли судьба хранила, но выстрелов не было.

— Заходи слева! — прохрипел Парменыч. — Там обрыв. Прикроешься. Ложи-и-сь!

Я плюхнулся в воду, а где-то сзади стеганула дробь.

— К обрыву! — кричал Парменыч. — Отрезай от леса!

Я кинулся к крутому берегу, а Парменыч перебежками несся прямо на кусты. Когда до берега оставалось метров десять, я почувствовал что-то неладное: по ноздрям ударил запах бензина. «А-а, в сетях была канистра», — догадался я.

И в тот же миг сплошной стеной полыхнули кусты. Парменыч высочил на сухую траву, но она тоже горела. Я ме-

тался около кустарника. Парменыч топтал траву... А огонь набирал силу... Ветер как назло дул в сторону леса.

— Все! Ушли! — чертыхнулся Парменыч и бабахнул из обоих стволов сквозь стену огня.

— Черт с ним! А лес?! Вдруг они вылили не весь бензин?!

— Ломай лапник! Сбивай огонь!

Мы выломали по паре молодых елок и кинулись на огонь. Сухостойный кустарник горел весело, с потрескиванием. Золотые змейки вились и низом, по прошлогодней траве... Сначала мы пробили коридор до леса. А потом начали шлепать елками с таким остервенением, что вскоре не осталось ни огонька.

Пожар потушили. Но браконьеры ушли... Обгорелые, чумазы, мы брели к моторке, а над нами все кружил и кружил одинокий журавль.

— Да замолчи ты, ради бога! — не выдержал Парменыч. — И так сердца не хватает, а тут еще ты... со своими стонами.

Когда сели в лодку, Парменыч достал фляжку, отпил и протянул мне.

— Хлебни. Как-никак, сегодня твое боевое крещение.

— Если бы поймали... — уныло протянул я.

— Ничего, еще наловишься. С души воротить будет от этих ублютков.

— К стенке их надо! — горячился я. — Он же в меня стрелял! Ну, ладно, я тоже с ружьем. А зачем поджигал лес?! Лес-то при чем?! Журавлиха что ему сделала?! Нет, Парменыч, ты ответь! Ты здесь всех знаешь. Откуда они берутся, эти выродки?..

— Откуда? — криво усмехнулся Парменыч. — А откуда берутся пауки, змеи, грибы-поганки и ядовитые травы?.. Не знаешь?! И я не знаю. Но ты заметь, каких грибов больше — хороших или плохих? Хороших. На каждого паука или там змею тысяча полезных и приятных зверушек. Так и у людей: не выметешь из какого-нибудь угла мусор, и полезли всякие мухоморы и прочие гады... Ты спрашиваешь, зачем браконьер лес поджег да в тебя стрелял? От страха. Но боится он не суда, а самосуда — природа все предусмотрела и на каждую змею завела ежа. Сколько гадюка ни жалит, а ежиных зубов не миновать! Ты думаешь, откуда пословица: «Сколько веревочке ни виться, а конца не миновать»? Отсюда же, от этого самого ежа, который ждет свою змею. Вот они и бесятся — что змеи, что браконьеры или другие гады, — конец-то свой они знают и, стало быть, спешат побольше нагадить.

— Умные слова говоришь... Я их обдумаю. Потом... А сейчас дай мне добраться до этих... которые стреляли! — не унимался я.

— Кто ж тебе мешает?! Беги, лови!

— Так я же их не знаю!

— И я не знаю... Почерк, правда, знакомый: вижу руку Ерофея. Вот беда-то, — вздохнул Парменych. — Выходит, он был не один — артель-то осталась.

— Почему ты говоришь — был? Он же тогда ушел.

— От меня-то ушел... Но был и у него свой еж... Ладно, не хотел рассказывать, да, видно, придется. Были у меня недавно гости, из милиции. Три дня дознавались, что да как... Чуть с собой не увезли, ей-богу!

— Чего им понадобилось?

— Понадобилось... Ерофея-то нашли. Туристы набрели. По ружью только и узнали. А так, почитай, один скелет да тряпки.

— Кто же это его?

— На меня грешили. Не свел ли, дескать, счета за тот выстрел... Разобрались, конечно. Невинный я. А Ерофея-то лось укокошил!

— Как так?

— А так... Стрельнул он его, да не добил. А раненый лось — это, поди, пострашнее тигра. Недаром в старину говорили: «Идешь на медведя — заказывай гроб. Пошел на лося — готовь и попа». Поставил Ерофей ружьишко в сторону, сунул за пазуху рукавицы, чтоб, значит, ловчей работать — дело-то зимой было, достал нож и пошел сохатому горло резать. Спереди, дурак, подходил. А у лося вся сила в передних ногах. Ударит, как из пушки пальнет! Такие березы валит, что ого-го! Ну, вложил, видно, все силы в последний удар... В общем, пробил Ерофею грудь навывлет. Пять ребер — как не было. А на копыте рукавица. Так и лежали рядком. Одни кости остались.

— Да-а, побольше бы таких... ежей.

— Эхе-хе, Андрюха, — вздохнул Парменych. — Молодой ты, горячий. А жить-то всем хочется — и ежам и змеям... Ты эту злость сохрани, в нашем деле без нее нельзя. Но не дай тебе бог озвереть! Для чего мы здесь поставлены? Блюсти закон. И не какой-нибудь, а человеческий. Ты смотри, Андрюха, сколько здесь всего: лес, вода, звери, рыбы, птицы — и все твое! Шерстнев говорит, надо быть рачительным хозяином природы. Что он понимает?! Мотается по асфальту... Пока не станешь частью всего этого, — и он взмахнул рукой, — ничего не поймешь, и будешь бегать по окраинам леса.

Парменych облизнул пересохшие губы и неожиданно спросил:

— Ты подранков добиваешь?

— А как же, — обиделся я.

— Жалко, значит, и ты из доброты сердечной облегчаешь муки, так? — выкрикнул он в лицо.

— Ну... так, — растерялся я.

— А если больной, старый... лось? Все равно задерут волки... Долгая, мучительная смерть. А ты — с ружьем. Поможешь... лосю? — сорвался на шепот Парменыч.

— Н-не знаю... Н-нет, не смогу, — раздавленный чем-то непонятным ответил я.

— А где же твоя доброта?! — свистящим шепотом выдохнул Парменыч. — Ты же человек и должен понимать, как это больно, когда горит нутро!

И вдруг он обмяк, обвис, и только пальцы до синевы в ногтях комкали друг друга. Почему-то мне стало жутко. Спотыкаясь о весла, я перебрался на нос лодки. А Парменыч как-то по-детски вздохнул, посмотрел сквозь меня и виновато сказал:

— Садись к мотору... Что-то у меня... с руками. От холода, видно.

Через день начался охотничий сезон. Две недели гремела ружейная канонада, тарахтели моторы, металась над заводами ошалевшая от пальбы птица. Так же метался и я: то лез в чужую лодку и пересчитывал добычу, то ковырял землю около костров — искал утиные перья, то часами наблюдал в бинокль за подозрительными. Странно, но никто не обижался... Как я ни старался, как ни лез из кожи, так никого и не оштрафовал.

«Вот ведь досада! — расстраивался я. — Как отчитываться перед Шерстневым, что говорить?! Что же я за инспектор, если не составил ни одного акта, не отобрал ни одного ружья и не задержал хотя бы паршивенького браконьера?! Нет, не видать мне, видно, карабина...»

Но в последний день охоты судьба сделала неожиданный подарок: какой-то дядька передал записку от Шерстнева. «По просьбе краеведческого музея разрешаю отстрел двух гусей и одного лебедя».

«Вот она, моя соломинка! — обрадовался я и бросился в моторку. — Для такого дела нужна «мелкашка», чтобы перышки были целенькие. Попрошу у Парменыча, он не откажет... Интересно, а будет под чучелом написано, кто добыл эту птицу?..»

Озеро проскочил быстро, но у входа в протоку винт чиркнул по коряге и, конечно же, полетела шпонка. Вставлять новую — дело долгое. А до избы Парменыча не больше километра. Само собой, я пристал к берегу и пошел прямо через лес... Вдруг среди деревьев мелькнула знакомая фигура.

— Пармены-ыч! — закричал я. — Стой, Пармены-ыч!

Он нехотя остановился и присел на колоду. Рядом примостился Трезор.

— Ты чего... пропал? — запыхавшись спросил я. — Бросил одного... А тут записка от Шерстнева... Что это ты какой-то? Случилось что?..

— Случилось.

— Беда какая?

— Беда.

— Вот-те раз! Что же молчал-то? Помог бы... — чувствуя, как слабеют ноги, сказал я.

— Нет, парень, — вздохнул Парменыч. — Теперь уж никто не поможет.

— Заболел, что ли?

— Я-то нет. Меня хвороба не берет... Трезорка гниет. Не жилец он боле... Кончать веду, — каким-то серым голосом сказал он.

— Да ты что, Парменыч! — вскочил я. — Как это кончать?! Подумаешь, приболел пес. Свози к врачу — и все будет в порядке!

— Не-е, порядку тут нету... Хужее дело. Много хужее.

Парменыч положил веснушчатую руку на лобастую голову Трезора и замолчал, почесывая за ушами собаки. Да, за две недели Трезорка заметно сдал. Крупная, волчьего окраса лайка как-то обвисла, помутнели глаза, разогнулся крендель хвоста, тускло-серой стала шерсть... Парменыч помолчал, со всхлипом вздохнул и заговорил, давясь словами и захлебываясь после каждой фразы.

— Я думал чо... Ну, не чует пес зайца или там рысь боится: от старости, значит. Ему уж, почитай, годов десять... Раньше-то, бывало, как увидит рысь, кинется к дереву и так, бедный, взьерошится — того и гляди на сучья полезет. Отвлечет так рысь-то, а я подойду сбоку и сниму спокойненько. А тут примечать начал: не чует пес зверя, совсем не чует. Ладно, думаю, может, сморился. Бывает так с собаками-то — вроде как затмение на нюх находит. Потом, глядишь, и отпустит. А Трезорка день ото дня слабеет и слабеет. Сам-то этого не понимает: суется, мечется, прыгает — а все без толку. Да-а... Дальше хуже.

Я не перебивал Парменыча. Я чувствовал, что ему надо выговориться. Ведь сколько он молчал, сколько носил на сердце эту тяжесть! Какой же я дурак: ведь когда он спрашивал о подранках, а потом о старом лосе, так ничего и не понял. Сробел, ушел от разговора, а у Парменыча уже тогда скребли кошки... Подумать страшно, как трудно на такое решиться! Но самое

странное, Парменыч не выпил «для храбрости», не подсыпал Трезору яду, не бросил в озеро.

— Так вот, говорю, дальше хуже... Медведя встретили, шатуна. На масляной дело было. Я, как назло, без ружья. Так, малопулька болталась. А медведь будто понимает — и сел и сидит. И вроде на меня норовит податься. Я — за нож. Давай, говорю, Трезорка, выручай! А он — хвост поджал, уши прилипли, из пасти слюна. Трясется весь. К ногам жметесь. И лужу напустил... Э-э, думаю, пропал пес-то. Совсем пропал. Придется самому со зверем биться. Но медведь ушел. Обругал его покрепче — Потапыч и ушел. Зверь, он ведь непривычный к соленому слову. Шибко не уважает брани. Раньше-то как сказывали: «Хочешь добыть зверя, разговаривай, как с любушкой!»

Трудно и медленно говорил Парменыч, но все же говорил. А тут вдруг замолчал. Он еще пытался что-то сказать, даже губы шевелились. Но слов не было. Забыл их Парменыч. Напрочь забыл. Он уже не видел ни меня, ни леса, ни Трезора и только сосредоточенно ковырял на пальце старую царапину. Показалась кровь. Несколько капель сорвалось на сапог, но Парменыч боли не чувствовал. Тогда Трезор потянулся к руке хозяина и лизнул рану. Кровь остановилась. А Парменыч опять хотел ковырнуть царапину. И вдруг Трезор прикрыл большое место головой. Рука Парменыча нагнулась на собачий нос... застыла, чуть подрагивая, в воздухе... и мягко опустилась на Трезоркин лоб.

— Словом, повез Трезора к доктору... Рак оказался. Да-а... Усыпить предлагал. Укол, дескать, и крышка. Рассердился я тогда, крепко рассердился и на доктора и на всю ихнюю медицину. Сам лечить начал. И мед, и молоко, и кровь телячью, и травы разные — все испробовал... К бабкам водил. Есть у нас такие — вроде как заговаривают. Не верят бабкам-то, а от болящих отбой нет. Не помогли нам бабки... А пес-то, он ведь все понимает. Винится передо мной. Лишний раз тявкнуть боится. Раньше хоть скулил по ночам. Горит ведь у него внутри-то! Не выдержал я как-то, цыкнул. Так он с тех пор почти не спит: меня боится потревожить. Забудется чуток, засопит эдак ровно, спокойно. Потом притихнет: боль, видно, подкрадывается. Тут и человек застонет! А Трезорка только всхлипнет. Кротко так, по-детски. Всю душу выворачивает!

— Парменыч, — предложил я. — Может, того... Может, я... его. А?.. Не трави ты себя.

Парменыч помолчал. Застегнул ворот чистой белой рубахи. Поправил на Трезорке новый кожаный ошейник. Встал. Взял курки... Долго стряхивал с рукава какого-то паучка... Сделал шаг... Второй...

Трезор поднялся медленно, трудно. А потом встряхнулся и быстро пошел за хозяином! Неверные шаги Парменыча совсем не сочетались с легким, стремительным ходом Трезорки. Он поднял свою умную морду. Как-то особенно залиvisto тявкнул. И так закрутил хвостом, что я всей похолодевшей кожей почувствовал, как он собирает все свои собачьи силы, чтобы подбодрить хозяина и запомниться ему не большим и шелудивым, а вот таким озорным, веселым и сильным псом.

Но вдруг я увидел Трезоркины глаза. Даже не глаза, а веки. Они так часто и так жалко дрожали, что я не выдержал и отвернулся.

Парменыч остановился. Потоптался... И заговорил тусклым, скрипучим голосом, часто сглатывая воздух.

— На добром слове... Конечно... Вот. Не дай тебе бог! Но если придется, то — сам. Чистое это дело. Святое. Никому! Сам!

Два дня звенело у меня в ушах от того выстрела. А потом пошел к Парменычу за помощью — ни гусей, ни лебедя я так и не добыл. Выскочил из лодки, взобрался на крутой берег и... замер. Парменыч бегал вокруг дерева. Он то и дело терял калоши, семенял за ними, припадая на стоптанные пятки, и все время похохатывал. А за ним с веселым, задиристым лаем носился серовато-черный крепенький щенок. Увидев меня, Парменыч сгреб его в охапку и пошел навстречу. Щенок сердито урчал и пытался вцепиться в веснушчатый палец хозяина.

— Трезоркин сын, — ласково сказал Парменыч. — Похож?..

Тем временем щенок вцепился в палец, и Парменыч скривился от боли. Трезоркин сын виновато свесил уши и лизнул палец хозяина.

ПИСТОЛЕТ ГУДЕРИАНА

Ночной бой был жестоким. И все же партизаны вырвались из окружения. Правда, в лес пробиться не удалось, пришлось уходить в степи. Поначалу хотели добраться до днепровских плавней, но местности никто не знал, карты не было — и от этой затеи пришлось отказаться.

Уже две недели блуждал по бескрайним украинским степям и перелескам партизанский отряд под командованием Георгия Нестеровича Собко. Ни о каких налетах или диверсиях не могло быть и речи: боеприпасов мало, да и базы нет — сегодня

одна балка, завтра другая. Днем вообще носа не высывывали: человека за десять километров видно. Как того охотника... Однажды командир не выдержал.

— Не нравится мне, хлопцы, этот охотник! Два дня около нас крутится. Того и гляди за каким-нибудь зайцем в наш овраг заскочит.

— Какой он, к черту, охотник?! — возмутился бородатый партизан. — Фашист — он и на охоте фашист! Стреляет прямо из машины. Подранков давит колесами. Браконьер он, если на охотничьем языке сказать!

— Вот что, Матвейч... Возьми-ка пару ребят да пригласи его в гости. Только тихо...

На первый взгляд немец вел себя вполне по-охотничьи. Он неслышно подъезжал на грузовичке к балкам, палил из обоих стволов по кустам, спугивал зайцев, куропаток и прочую живность, а потом гонялся за ними по степи. Но иногда он резко тормозил, вскакивал на крышу кабины и внимательно оглядывал степь в бинокль.

Дело в том, что охотился немец только для виду. Он искал партизан. Такое уж у него было задание — во что бы то ни стало найти партизан. Поэтому так старательно шумел, надеясь привлечь в себе внимание. Расчет был прост: если где-нибудь в округе есть партизаны, они обязательно постараются добыть «языка». А одинокий охотник в этом отношении — идеальный объект.

Целую неделю он мотался по степи, а попасть в плен так и не удалось. Но немец был терпелив и изобретателен. Он понимал, что днем его никто не тронет. Партизаны тоже не глупы. Ведь за охотником могут наблюдать. Поэтому он начал ездить «на зори», «на тягу» или устраивал по ночам гонки за зайцами, попавшими в свет автомобильных фар.

Все произошло совсем не так, как он ожидал. Когда «охотник» спустился в балку за подстреленной куропаткой, ему ткнули в живот автомат, аккуратноенько забрали двустволку и тихо сказали:

— Хенде хох!

Немец быстро поднял руки и, прихрамывая на правую ногу, пошел по оврагу.

— Доставил, — хмуро сказал Матвейч.

— Ага, добегался, фриц! Сейчас мы его... Черт, переводчика нет, — поскреб затылок командир. — А я — с пятого на десятое.

Немец широко улыбнулся и на чистейшем русском языке сказал:

— Ни к чему! Я говорю по-русски.

— Вот так пироги-и! — удивился Матвейч.

— Откуда вы знаете русский? — спросил Собко.

— Это мой родной язык. Я вырос в России.

— Ага, предатель! Русский солдат перешел к немцам!

— Никак нет. Я не русский. Я немец. И не солдат, а офицер.

— Ты не крути! — вскочил Собко. — Предателей расстреливают на месте! Ты это знаешь?!

— Знаю. Но я не предатель. Я...

— Фамилия, имя, звание! — рявкнул Собко.

— Старший лейтенант бронетанковых войск шестой армии Герман Крайс! — щелкнул каблуками немец.

— Попал в плен?

— Нет.

— Перебежал?

— Нет.

Командир начал медленно наливать краской. Этот вылощенный немец ему явно не нравился. Он знал: партизанам уже попадались фашисты в форме красноармейцев или милиционеров. И документы у них были в порядке, и по-русски они говорили. А потом все оборачивалось гибелью целых отрядов...

— Разрешите сесть? — спросил пленный. — У меня нога болит, — виновато закончил он.

— Садись! — зло сказал Собко. А сам подумал: «Сейчас начнет плести «правдивую» историю про отступление, про ранение».

— Я понимаю ваше недоверие, — заговорил немец. — Но я все расскажу. А проверить меня вы всегда сможете, запросив по радиции командование шестой армии.

«Ишь, как закинул, — восхитился Собко. — Если я скажу, что проверить мы ничего не сможем, — сразу поймет, что связи с Большой землей у нас нет, а стало быть, боеприпасов с гулькин нос. Значит, уничтожить нас — раз плюнуть. Хитер гад!»

— Повторяю, меня зовут Герман Александрович Крайс, — продолжал пленный. — Я действительно немец, но немец советский. Слышали, наверное, о республике немцев Поволжья. Там я родился и вырос. В 1934 году поступил в Ульяновскую военно-бронетанковую школу. Войну встретил в Черкасской области. К этому времени я был командиром бронетанковой роты разведывательного батальона... В сентябре во время отступления из небольшого городка Остер тяжело ранило в ногу. Кое-как дополз до огорода. Двое суток провалялся в подсолнухах. Потом подобрали местные жители и спрятали. Нашли даже

старичка фельдшера. Так как нога была перебита, он хотел ее ампутировать.

«Шрам, что ли, посмотреть? — подумал командир. — Впрочем, такой птице и шрам сделают. Шпион на все пойдет».

— Но я не дался... До весны сорок второго года отлеживался в доме одной крестьянки. Нога срослась, но стала немного короче.

«Ишь, дьявол, не рассказывает, а прямо рапортует. Не один, видно, день заучивал «версию». Ладно, заливай дальше, послушаем...»

— Потом пошел к фашистам... Сказал, что я немец, рассказал немного о себе. Почему-то они мне поверили. Устроили на работу в гараж Переславского гебитскомиссариата. Получил хороший аусвайс — удостоверение, которое позволяло свободно передвигаться по территории комиссариата. А вскоре стал начальником гаража.

«Вот бы нам человека с таким аусвайсом, — подумал Собко. — Впрочем, он наверняка предложит свои услуги. Посмотрим, на каких условиях. Мы ведь тоже не лыком шиты».

— Постепенно мне удалось войти в доверие к русским, работающим в гараже. Короче говоря, сколотили боевую группу из десяти человек. Оружие есть, транспорт — тоже, но никаких диверсий пока не предпринимали.

«Еще бы! Против своих!»

— Решили искать связь с партизанами. Мне было поручено разыскать какой-нибудь отряд и сдаться в плен... Чтобы иметь возможность ездить по степи в любое время дня и ночи, я предложил руководству гебитскомиссариата свои услуги в качестве охотника. Кормят немцев прилично, но однообразно, а в степи полно дичи. Вот я и добываю к столу начальства свежее мясо.

«Ну, это уже не умно, — усмехнулся Собко. — Здесь ты явно заврался. Какой дурак позволит бывшему советскому офицеру, даже если он немец, свободно разгуливать по степи?!»

— Я понимаю, вам надо все это проверить. В моем распоряжении целые сутки. Я должен вернуться не позже завтрашнего утра. Если задержусь, поставлю под угрозу товарищей. Думаю, что за сутки вы успеете связаться с Большой землей и получите соответствующие сведения... Если вы сочтете нужным, я перейду со своими людьми в ваше расположение... Или буду работать у немцев в качестве вашего разведчика и... шофера. Я возил бы вас на диверсии километров за сто отсюда. Следы отряда станут искать в районе диверсий, а вы могли бы сидеть здесь и спокойно готовиться к следующей операции.

«Все это очень заманчиво, — думал командир отряда. — Но как тебя проверить?.. Рации у нас нет. А если бы и была — наверняка все, что ты сказал, будет подтверждено. Не исключено, что фашисты взяли в плен настоящего советского танкиста с немецкой фамилией, он все о себе рассказал, и теперь ты действуешь под его именем. Возможно и другое: ты и есть тот самый танкист, но продавшийся фашистам. Третий вариант — ты честный советский офицер, вошедший в доверие к немцам, — самый привлекательный и для нас и для тебя. Он же и самый рискованный... Ставить под удар весь отряд я не могу... Надо что-то придумать...»

— Вот что, старший лейтенант, — сказал Собко. — Мы сегодня запросим Большую землю и проверим весь ваш рассказ. Но вы не хуже меня понимаете, что этого мало. Как бы мне ни хотелось верить, я обязан проверить вас, как говорится, кровью. Сделаем так. Вы устроите в гараж нашего человека. О расположении отряда будет знать только он. Вся связь — через него. Это во-первых... Во-вторых, мне известно, что где-то в районе деревни Николаевки есть большой склад продовольствия и боеприпасов. Вы отвезете туда группу, состоящую из пяти ваших и десяти моих бойцов. Задача — добыть как можно больше боеприпасов, а склад взорвать.

— Все понял. До Николаевки пятьдесят километров. О складе я тоже знаю. Ни о каких партизанах там не слышали, поэтому охраняется склад довольно халатно. Но все же я предлагаю переодеть всю группу в немецкую форму — это я беру на себя — и проникнуть на территорию склада под видом саперной команды, прибывшей за получением взрывчатки. Документы я достану. Остальное — по обстановке.

— Матвейч, иди-ка сюда, — позвал командир. — Вот что, Матвейч, поедешь с Крайсом. Ты вроде до войны слесарничал, так что дело найдется. Будешь работать в гараже.

Потом отвел бородача в сторону, рассказал, как себя вести и где будет отряд.

— Смотри, Матвейч, теперь все в твоих руках. Или отряду крышка, или...

— Не сомневайтесь, товарищ командир. Все сделаю по первое число. А этого субчика, ежели что, коню...

— До свидания, старший лейтенант, — протянул командир руку. — Вечером ждем. Дорогу укажет Матвейч.

— Есть! — отчеканил Крайс. — Разрешите идти?

— Идите.

Как только машина скрылась, Собко поднял отряд и увел подальше от старого оврага. К вечеру небо заволочло тучами,

а по степи заметались перекасти-поле. Потом загремела такая гроза, что даже выдавшим виды партизанам стало жутковато.

И вдруг в свете молний вырос мощный немецкий грузовик с затянутым брезентом кузовом. Из кабины выскочил Матвейч.

— Товарищ командир,— подбежал он к Собко.— Машина готова. Немецкая форма в кузове. Кто поедет?..

— Сейчас, минутку... Где Крайс?

— В кабине... Я от него ни на шаг. Вы не сомневайтесь, ежели что, я его...

Пока партизаны переодевались и сдержанно знакомились с людьми Крайса, командир подошел к кабине.

— Ого, видик у вас знатный! Да и формочка сидит... привычно.

Крайс чутьчуть поморщился и коротко ответил:

— На сегодня я — обер-лейтенант Штубе. Вы едете?..

— А как бы вы хотели?

— Дело ваше... Но если хотите знать мое мнение — оставлять отряд без командира нельзя!

«Вон оно что, — подумал Собко. — Без меня тебе, конечно, легче... Что ж, посмотрим, как ты справишься со мной!»

— Ничего страшного, — сказал Собко. — В отряде останется комиссар. А я поеду с вами.

— Прекрасно. Надевайте форму унтер-офицера...

Когда «саперная команда» выстроилась около машины, Крайс придирчиво осмотрел форму солдат и приказал:

— В машине никому не разговаривать. Русская речь может всех погубить. С этого момента вы — немецкие солдаты и должны беспрекословно мне подчиняться. На мои приказы отвечать: «Яволь, герр обер-лейтенант». Быстрота в нашей операции решает все... Теперь нужен шофер. Мне, как офицеру, сидеть за рулем нельзя. Кто умеет водить машину — шаг вперед, марш!

Собко вышел вперед и сказал:

— Пожалуй, я справлюсь... В молодости приходилось и шоферить.

— Отставить! — рявкнул Крайс.— Немецкий солдат так не отвечает!

— Яволь, герр обер-лейтенант! — вытянулся Собко.

— Так-то... Садитесь за руль... Всем в машину! — приказал Крайс.— И помните: ни слова по-русски! Стоп! А вы куда лезете?.. Матвейч, назад! Я же сказал, что в этой операции вы лишний!

— То есть как это лишний?! Ты, фриц, это дело брось!

— Прикажете ему замолчать, — обернулся Крайс к Собко.

— А в чем, собственно, дело? Почему вы его не берете?..

— Немецкий солдат бороду не носит. А ваш Матвейч сбрить свои космы отказался. Может провалить всю операцию.
«Ну и жу-у-к! — восхищенно подумал Собко. — С таким не пропадешь!»

— Ничего не поделаешь, — сказал он Матвейчу. — Придется остаться. Обер-лейтенант прав.

Операция прошла быстро. Машина беспрепятственно въехала на территорию склада. Крайс что-то громко кричал. Тем временем солдаты доверху загрузили машину боеприпасами и взрывчаткой. В последний момент, правда, двух часовых пришлось убрать. Но все обошлось благополучно — выручил сильный ливень и гроза.

На обратном пути Крайс сел за руль. Он недовольно морщился и нервно оглядывался назад.

— Боитесь преследования? — спросил Собко.

— Нет. К счастью, погода работает на нас. А в другое время ног нам бы не унести. Грязно сработали, командир! Очень грязно!

— Это еще почему?

— Не смогли бесшумно убрать часовых — раз! Оставили на территории склада их трупы — два! И самое главное — теперь там всех подняли по тревоге. Могут найти наши мины и...

В этот миг над складом полыхнул такой сноп огня, что все молнии сегодняшней грозы выглядели рядом с ним вспышкой спички.

— Не успели, — улыбнулся Крайс. — Повезло...

Довольно потер руки и Собко. Честно говоря, он до последнего момента не верил в то, что склад взлетит на воздух. Ведь это было бы блестящей рекомендацией благонадежности Крайса. А Собко сомневался. Какой-то червячок сидел в мозгу и не позволял окончательно довериться Крайсу.

Не давало покоя и другое. «Уж очень гладко прошла операция, — думал командир, косясь на Крайса. — Документов не проверили... Да и взрыв... Черт его знает, что там полетело на воздух?! Чтобы помочь агенту войти в доверие к партизанам, а потом с его помощью уничтожить все отряды района, фашисты пойдут на все — даже разрешат взорвать небольшой склад боеприпасов и устаревшего оружия... Да-а-а, тут нужно думать. Что бы там ни было, а пока мы не внакладе — полная машина взрывчатки чего-то стоит! А с тобой, обер-лейтенант, мы еще поиграем. Посмотрим, каким будет твой следующий ход...»

С этого дня партизанский отряд имени Котовского снова стал боевой единицей. Полетели под откос эшелоны, запыла-

ли немецкие комендатуры, захлопотали взрывы на мостах и дорогах.

Гестапо с ног сбилось. Прочесали овраги и леса в районе диверсий — ни души. Партизан не было... Но каждую ночь то под Яготином, то под Красноградом взлетали мосты и пылали склады.

В эти дни на стол руководителей Переславского гебитско-миссариата попадало особенно много зайчатины и птицы. Удивительно удачными стали ночные поездки этого Крайса. Офицеры были довольны и уже забыли, как раньше обходились без дичи... А партизанам пришлось выделить специальную охотничью бригаду, которая добывала для Крайса разную живность. Самому Крайсу уже было не до охоты. Его грузовик метался по округе, и там, где он появлялся, оккупантам была обеспечена, мягко говоря, беспокойная ночь...

Однажды вечером в расположении отряда совершенно неожиданно появился грузовик. Десять солдат выскочили из кузова и застыли в строю. Крайс подбежал к встревоженному командиру и коротко доложил:

— Немцы начали понимать, что партизаны действуют на машинах. И машины эти выезжают из одного места... Установили слежку за гаражами. Чтобы не ставить под удар свою группу, взорвал гараж со всеми машинами и ушел... Не исключено, что нас преследуют.

«Вот оно! — резанула командира мысль. — Расплата за доверчивость настала. Навел-таки, гад, на след отряда. Ну, ничего, мы еще повоюем! А тебя, бывший старший лейтенант...»

— Сдать оружие! — приказал Собко.

Крайс недоуменно вскинул брови и... потянулся к пистолету. Сделай он в этот миг резкое движение — лежать бы ему прошитым десятком автоматных очередей. Но немец был удивительно хладнокровен. Он спокойно отстегнул кобуру и протянул командиру.

«Нет, расстреливать я тебя не буду, — решил Собко, когда отряд уходил в сторону леса. — Я тебя переправлю на Большую землю. Обязательно переправлю. Там разберутся, что ты за гусь!»

На мгновение у командира мелькнула мысль, что каким бы дальновидным ни был немецкий шпион, едва ли он бы позволил уничтожить столько мостов, комендатур и эшелонов. Но эта мысль мелькнула только на мгновение. Сейчас Собко больше всего интересовала судьба отряда. Удастся ли пробиться в большой лес, нет ли где-нибудь засады?.. Ведь еще с того памятного ночного боя немцы могли оставить карательный

отряд на подступах к лесу. Если это так, тогда партизанский отряд имени Котовского наверняка перестанет существовать...

Но все обошлось благополучно. Отряд добрался до леса и через некоторое время соединился с другим партизанским отрядом, который имел радио и связь с Большой землей. Собко, который стал начальником штаба объединенного отряда, немедленно запросил командование шестой армии о старшем лейтенанте Германе Крайсе. Ответ пришел быстро. В шифровке сообщалось, что такой танкист действительно был, но с сентября сорок первого года его считают погибшим.

И все-таки Собко не успокоился. Оружие Крайсу вернули, но из поля зрения на всякий случай не выпускали.

Наступил сентябрь сорок третьего года. Наши части рвались к Киеву. Но форсировать Днепр — дело не просто трудное. Немецкое командование считало, что это вообще невозможно, и надеялось с днепровских рубежей начать победоносное контрнаступление. Высокий правый берег был основательно укреплен, а мосты подготовлены к уничтожению. Низкий левый берег лежал как на ладони, и там простреливался каждый куст.

В начале сентября крупное танковое соединение Красной Армии прорвало оборону противника и устремилось в образовавшуюся брешь. Наше командование прекрасно понимало, что все мосты будут взорваны и это надолго задержит форсирование Днепра. Единственный выход — ворваться на правый берег вместе с отступающими частями противника.

Партизанский отряд имени Котовского получил приказ разведать подходы к мосту в районе Канева... Вечером разведчики ушли к мосту. А утром радист передал шифровку на Большую землю: «Мост заминирован. Кругом полно пушек и зениток. Правый берег сильно укреплен. Схему расположения огневых точек передам дополнительно».

Ответ был коротким: «Мост необходимо разминировать. Постарайтесь вызвать суматоху и по возможности дольше задержать отступающие части на левом берегу. Танки подойдут в четырнадцать ноль-ноль».

Сохранить мост... Совсем не партизанское дело. Взорвать — это проще, это партизаны умели. А захватить мост с боем и удерживать его до подхода танков — явно не по силам небольшому партизанскому отряду.

— В отряде двести человек. А через мост отступают тысячи фашистских солдат с танками и артиллерией. Мост нам не отбить, а отряд погибнет наверняка, — заявил Собко.

Возразить ему было нечего... И тут поднялся Крайс.

— Всем отрядом переправу не захватить. Но два человека... Короче говоря, у меня есть план. Вчера мы перехватили немецкую штабную машину с каким-то важным полковником. Он уверяет, что прибыл из ставки фюрера и выполняет личные поручения самого Гитлера. К сожалению, документов, подтверждающих его полномочия, нет. Это усложняет дело. Но можно надеяться, что в суматохе отступления едва ли кто-нибудь станет проверять документы «оберста из ставки». Я предлагаю...

...Поблескивающий лаком «опель-капитан» вырулил на проселочную дорогу и вскоре догнал отступающую колонну немцев. Солидно и сдержанно сигналив, «опель-капитан» обогнал грузовики, набитые фашистской солдатней, длинноствольные пушки и танки. Надменный оберст едва обращал внимание на приветствия офицеров, а сидящий за рулем мрачный вахмайстер ловко лавировал между танками и машинами.

Командование отряда приняло план Крайса, потому что другого выхода просто не было. Но Собко согласился на это только при одном условии — если с Крайсом пошлют его. Как ни отговаривал его командир отряда, Собко сумел доказать, что никто не знает Крайса так хорошо, как он, никто не сможет быть Крайсу лучшим партнером, чем он, и вообще начальник штаба должен видеть картину отступления немцев своими глазами. Но про себя он думал и о другом: никто лучше его не сможет проверить Крайса до конца, а эта операция наверняка поставит все точки над «i».

Так Собко надел форму вахмайстера. «В крайнем случае и его и себя!» — думал он, ощупывая засунутые под сиденье гранаты.

«Опель-капитан» с ходу выскочил на мост и резко затормозил. Оберст вышел из машины и, не глядя на часового, рывкнул:

— Где комендант? Позвать!

Комендант прибежал грязный, небритый. На мундире не хватало пуговиц.

— Господин полковник... — начал он.

— Отставить! — взвизгнул Крайс.— Что за вид?! На кого вы похожи, обер-лейтенант?! Вы не офицер доблестной армии фюрера, а грязная партизанская свинья!!!

— Виноват, господин полковник... Отступление... Я трое суток не спал.

— Это не объяснение! — кричал Крайс.— В любой ситуации немецкий офицер должен выглядеть образцово! Фюрер дал вам эту форму не для того, чтобы вы ее позорили!!!

— Так точно, господин полковник! Но я...

— Молча-а-ать!! Еще вчера фюрер приказал мне поднять боевой дух в отходящей на новые рубежи армии, и я это сделаю! Слышите, обер-лейтенант?! Приказ фюрера будет выполнен!!! И прежде всего я остановлю это позорное отступление! Кто разрешил пропускать войска через мост?.. Не знаете?! Так я и думал! Предатели!! Кругом одни предатели!!! — совсем зашелся полковник. — Немедленно закрыть переправу! Всех, кто перешел на правый берег, вернуть назад! Фюрер верит, что с этого рубежа мы начнем новое победоносное наступление! Комендант испуганно козырнул и побежал выполнять приказание.

На мосту поднялась невообразимая суматоха. Разворачивались грузовики. Пятились танки. С правого берега тягачи тащили пушки и зенитки. Пехота поспешно окапывалась на гладком, как стол, левом берегу. Вся техника сбилась в кучу... А с востока напирали новые отступающие колонны, и все они получали приказ «личного представителя фюрера» закрепляться на левом берегу.

Крайс взглянул на часы — двенадцать. «До подхода наших танков еще два часа, — подумал он. — Пока все нормально. Укрепления на правом берегу беззащитны. Но мост, мост заминирован. Взрыватель скорее всего электрический. Значит, должны быть провода. Надо искать».

Полковник закурил сигару и пошел к правому берегу. «Опель-капитан» тронулся за ним.

«Черт, от этого вахмайстера так просто не отвяжешься!» — с досадой ругнулся Крайс.

«Нет, голубчик, я от тебя ни на шаг! — думал Собко. — От меня не уйдешь!»

У середины моста Крайс остановился и достал карту. Делая вид, что внимательно рассматривает кружочки и стрелки, он с беспокойством следил, как комендант переправы шептался с группой эссовских офицеров... Потом они расстегнули кобуры и направились к полковнику.

«Неужели конец? — мелькнула мысль. Скосил глаза на Собко — тот сунул руки под сиденье. — Так ты мне и не поверил, — с горечью подумал Крайс. — Подорвешь всех к чертовой матери и будешь считать, что уничтожил предателя».

— Господин полковник, — обратился обер-лейтенант. — Не могли бы вы показать письменное подтверждение ваших полномочий?

— Вас интересуют документы личного представителя фюрера? — спокойно спросил Крайс.

— Так точно.

— Вы хотите знать, имею ли я право действовать от имени фюрера?

— Так точно.

— Что ж, придется ваше любопытство удовлетворить, — сказал Крайс и полез во внутренний карман.

Собко замер. «Если офицеры разойдутся — значит, Крайс фашист! — подумал он. — Тонко, гад, сработал! Ради того, чтобы взять «котел» танковую армию, можно и партизанам послужить». Собко приготовился вытащить связку гранат. «Как только эсэсовцы повернутся кругом — брошу!» — решил он.

Но Крайс вместо документов выхватил пистолет, не повышая голоса, процедил: «Именем фюрера!» — и пристрелил обер-лейтенанта.

Эсэсовцы бросились к «полковнику», но тот спокойно и нарочито медленно вложил пистолет в кобуру. Расчет был точен. Офицеры, находясь рядом с Крайсом, без особого труда смогли увидеть на серебряной пластинке, прикрепленной к рукоятке парабеллума, мелкую вязь готического шрифта, а под ней крупно — «Гудериан». Эсэсовцы почтительно вытянулись.

— Прекрасно... — сказал «полковник». — Разойтись и выполнять приказ!

Собко вытер холодный пот и слабо улыбнулся. «Выберемся живыми, прощения буду просить, — решил он. — Герман — мужик умный, поймет...»

Теперь немцы окончательно убедились, что перед ними полковник, облеченный самыми высокими полномочиями. А «полковника» больше всего занимали провода, ведущие к взрывчатке. Он деловито перешел на правый берег и спустился к воде. У ближней опоры моста Крайс увидел красный провод в плотной оплетке. Он ухитрился незаметно вырезать метра два провода, а концы замаскировал.

Часы показывали без четверти два. Крайс подошел к Собко. Тот крепко пожал ему руку и прошептал:

— Молодец, Герман! Спасибо!

— Ладно, потом... Мост теперь не подорвут. Где танки?..

— Может, свяжемся с нашими?

— Хорошо. Разворачивайся.

Когда «опель-капитан» съезжал с моста, Крайс подозвал одного офицера.

— Господин майор, оставляю вас старшим. На правый берег никого не пропускать! Я еду навстречу нашим колоннам.

— Слушаюсь, господин полковник!

«Опель-капитан» юркнул в лес. Собко быстро достал рацию и связался с командованием танковой армии.

— Танки на подходе, — сказал он Крайсу. — Генерал обещал вызвать авиацию.

— Отлично! Там можно устроить такую мясорубку...

Через полчаса над переправой появились ИЛы. Скопившаяся у моста техника и живая сила были идеальной мишенью.

А вскоре подошли наши танки и беспрепятственно проскочили на правый берег Днепра.

Наступление продолжалось...

А Герман Крайс снова ушел к партизанам. Он стал начальником разведки одного из крупнейших партизанских соединений. Там-то и застала его весть о присвоении звания Героя Советского Союза.

Немало дерзких диверсий и смелых налетов на счету этого замечательного разведчика. Недаром его грудь украшает не только множество орденов и медалей, но и Золотая Звезда Героя.

Много лет прошло с той поры... Кажется, давным-давно летели под откос эшелоны и полыхали фашистские комендатуры, а прославленный разведчик рассказывает об этом так, будто только вчера вернулся из очередной операции.

Один из этих рассказов я записал. В основу его легли события, которые произошли в действительности. Изменены лишь фамилии и имена героев.

ПОСЛЕДНИЙ БРОСОК

Опять эта ноющая боль под лопаткой. Потом она поднимется выше, станет нестерпимо острой. И не вздохнуть. Так было и в прошлый раз. Последнее, что запомнилось, — не вздохнуть... Надо спешить. Старик осторожно опустил ноги. Нашу пал шлепанцы. Накинул пиджак. Нацепил фуражку.

«Ничего, ничего, — думал он. — Телефон в парадном. Спустишь, вызову неотложку — и наверх. Нет, не выйдет наверх: третий час ночи, лифт не работает. Ну и что, не велик барин, подожду машину внизу. А Тролль посторожит».

Старик кликнул собаку и вышел на лестницу. Не так уж высоко — пятый этаж, но ведь это сто ступенек! Осторожно, очень осторожно он начал спускаться. А рядом так же медленно шагала шотландская овчарка. И кто знает, кому было труднее. Ведь Тролль давным-давно ослеп. В молодости, правда, кое-что видел — человека или дерево мог различить, но

попасть в дверь или прыгнуть через забор не удавалось. И все-таки Андрей Григорьевич с собакой не расстался. Пятнадцать лет работали в уголовном розыске майор Русаков и сыская собака Тролль. Теперь на пенсии. Оба.

На третьем этаже старик остановился. «Проклятые шлепанцы, — чертыхнулся он. — Соскальзывают на каждом шагу». Старик попробовал вздохнуть поглубже, охнул и, царапая стену, сполз на ступеньки. Тролль подставил спину, и хозяин вцепился в его длинную шерсть. Перевел дух и прислонился к теплому боку собаки.

— Вот, брат, дела, — виновато сказал он. — Я сейчас... Я только...

Тролль сипел, дрожал от напряжения, но стоял. Он даже чуточку потянулся и лизнул хозяина в ухо. Старик понимающе улыбнулся:

— Ободряешь? Знаю, знаю, на тебя еще можно положиться. — И погладил его горбоносую морду. Пальцы наткнулись на рубец.

«Что это? — удивился он. — Откуда?» Потом вспомнил и даже повеселел: «Ведь это моя работа! Ты помнишь, Тролль, как мы познакомились? Помнишь? Тогда мы были молодые, сильные и чертовски упрямые».

Андрей Григорьевич прикрыл веки и увидел себя на берегу шумной, мелкой речонки. Он приехал на переподготовку в Нальчикскую школу милиции. А до этого всю войну рыскал со своим Джульбарсом по следам фашистских диверсантов... В сорок восьмом недалеко от Ужгорода бандеровцы прошли Джульбарса из автомата. Надо было искать новую собаку и обучать ее всем премудростям трудного и опасного ремесла.

Почти месяц жил Русаков в школе, но собаку так и не подобрал. И не в привередливости дело, просто он искал овчарку по своему характеру. Собаки ведь тоже разные бывают — и холерики, и сангвиники, и флегматики. Чаще всего это не только от природы, но и от хозяина. Если он тюха, гуляет и на ходу спит, значит, и собака несобранная, обвислая, не ходит, а волочит себя по земле. Если же хозяин быстрый, энергичный, то и собака наворщенная, собранная: слово — и она летит выполнять приказание.

Тролль был единственной шотландской овчаркой в школе. Как он сюда попал, никто не имел представления, да это начальство и не интересовало — ведь все курсанты предпочитали восточноевропейских, или, как их называют, немецких, овчарок.

Между тем Тролль демонстрировал чудеса собачьей образованности и злобы. Он отлично шел по следу, не боялся ни ножа, ни пистолета, но никому не позволял себя приручить.

Это была собака войны. Единственное, что умела эта овчарка-колли, — догнать и порвать. Конечно, можно было его пристрелить, и баста! Но уж очень способный был пес, да и красив до невозможности. Высокий, широкогрудый, с резко выступающей холкой — верные признаки огромной силы. Сухие, мускулистые ноги с собранными в комок пальцами выдавали отличного бегуна. И это при весе в шестьдесят пять килограммов! А чего стоил редкий чепрачный окрас! Вообще-то Тролля светло-палевый, но черные, лоснящиеся волосы, как большая попона-чепрак, покрывали переносицу, лоб, уши, шею, спину, бедра и верхнюю часть хвоста. Даже кончик носа был влажно-черным.

В дрессировке, а тем более переддресировке собаки редко обходятся без поединка. Если она хоть раз безнаказанно укусила проводника, то все время будет его рвать, но если человек победит, пес запомнит это навсегда и смирится.

Русаков решил победить свирепого Тrolля. Надел пару ватников, обмотал шарфом шею и пошел с ним на занятия. Поначалу все шло нормально: бегают по берегу, приносят брошенные предметы, ползает, прыгает. Потом отказался сесть. Русаков скомандовал раз, другой. Тролля взъерошил загривок, заворчал. И тут Русаков прозевал момент: по всем признакам перед броском Тролля должен был дернуть правым ухом — такая уж у него была привычка, а тут резко хлестнул себя хвостом и прыгнул на грудь. Устоять Русаков не смог. Но, падая, ударил ногой в живот. Врезал, как говорится, от души, но Тролля даже не взвизгнул.

В правой руке у Русакова был хлыст — хоть слабое, но все же оружие. Обезоружить противника — первая заповедь хорошей собаки. Тролля был хорошей собакой, поэтому сразу вцепился в запястье правой руки. Русаков успел отметить, что пес работает очень грамотно: мало того, что хватает вооруженную руку, он хватает именно запястье. Ведь если в руке пистолет, а зубы будут на локте или предплечье, человеку ничего не стоит вывернуть кисть и выстрелить прямо в лоб. Два ватника не помогли: рывок — и кисть онемела.

Русаков лежал на спине, и левой рукой что есть силы прижимал к груди голову собаки. Тролля рванулся — бесполезно. Тогда он уперся лапами в землю, напрягся и на мгновение приподнял человека. А потом резко присел. Одновременно он дернулся назад — голова легко выскользнула.

«Молодчина!» — крикнул Русаков и дунул прямо в раскрытую пасть. Тролля отпрянул и тут же получил удар в ухо. Клацнули зубы, и клыки вонзились в ватник! А потом он начал

«стричь»: быстро-быстро перехватывал руку все выше и выше. Так он мог добраться и до горла.

Тут уже не до шуток. Русаков перевернулся на бок, и оба оказались в речке. Барахтаются, борются и так нахлебались, что чуть вообще не утонули. Выкатились на берег, а пасть — у самого горла. Тогда Русаков сам рванулся навстречу оскаленной морде и... укусил Тролля. Вцепился в нос зубами и давай мотать из стороны в сторону. Как Тролля взвыл! Даже слезы выступили. Отпустил его Русаков, плюнул и пошел в школу. А сзади Тролля: хвост поджал, уши обвисли, а в зубах хлыст хозяина. С этого дня стал как шелковый: так и смотрит в глаза — приказывай, мол, мигом выполню.

Старик погладил рубец, потрепал уши и сказал: «Помогай, друже... Не встать мне...» Тролля протиснулся между стеной и хозяином, лег, а когда старик навалился на спину, разогнул колченогие лапы. Русаков качнулся, вцепился в перила и медленно пошел вниз. На площадке второго этажа он привалился к двери и нащупал кнопку звонка. Нет, звонить не надо. Не так уж он плох, чтобы не добраться до телефона. А беспокоить людей среди ночи — тоже не дело.

Осталось всего сорок ступенек... На двадцать пятой зазвело в ушах. Потом пульс перебрался в виски и торопливыми ударами принялся изнутри раскалывать череп. А когда Русаков почувствовал, что боль медленно поползла вверх, что грудь вот-вот разорвется от воздуха, который никак не выдохнуть, он решил использовать последнее средство. Русаков... запел. «Постелите мне степь, — шелестело на лестнице. Потом шаг... Другой... Остановка. — Занавесьте мне окна туманом. — Снова шаг. Снова остановка. И снова язык, который должен был вопить от боли, хрипел: — В изголовье повесьте... упавшую с неба звезду».

Любил Русаков эту песню. Очень любил. Но пел всего три раза в жизни. В сорок восьмом, преследуя бандеровскую банду, сам попал в их лапы. Повесить его решили утром. Тогда-то и запел Русаков. А ночью Тролля перегрыз горло часовому и сделал подкоп в сарай, где был заперт хозяин. Утром Русаков вернулся с оперативной группой...

Через пять лет он снова цедил слова песни сквозь сжатые зубы. За одну ночь бандеровцы убили десять сельских активистов. Была среди них и Ганка. Русаков хоронил невесту и... пел. Кой черт пел?! Разве можно сказать, что человек поет, если у него судорожно дергаются губы, если он так стискивает зубы, что, кажется, они вот-вот начнут крошиться?!

Песня — это молитва или клятва?.. Наверное, ни то, ни другое. Просто у каждого человека где-то за пределами сознания, за барьером возможного есть дополнительный запас сил. Самый последний. И когда он исчерпан, человек либо погибает, либо начинает жить сначала. С самого нуля.

Шаг за шагом приближался Русаков к телефону. Снял трубку — ни одного гудка. Так и есть: нутро аппарата выпотрошено. Русаков бросил трубку и выбрался на улицу. Он знал, в ста метрах от дома есть будка телефона-автомата. Знал он и другое: сил на эти сто метров хватит. Должно хватить! Не так уж он мал, этот последний запас!

«Ничего, Тролль, не впервой... Что такое сто метров? Мы же бегали километров по сорок. Да еще по следу. А на финише — засада. Потому и дырок в нас считать не пересчитать. Откуда тут быть здоровью?.. У меня хоть ордена. А у тебя одни шрамы. И слепота не от старости... Дорогу к Ганке помнишь? Она хоть и приемная, а дочь хорошая. И внука назвала Андреем. Так что в случае чего беги к ней... Стоп! Скамейка».

Андрей Григорьевич хотел присесть, но никак не мог наклониться. Выручил Тролль. Он вскинулся на спинку, и, держась за него, Русаков опустил на скамейку.

...Банда была большая. Поэтому не рассеялась по лесу, а вступила в бой. Одного не учли бандеровцы: молодой лесник скрытыми тропами вывел в тыл роту автоматчиков... К вечеру от банды ничего не осталось. Но главари ушли.

Больше часа крутился Тролль вокруг хутора, но следа не взял.

— Когда начался бой? — спросил Русаков у командира.

— На рассвете... Часа в три.

— Тогда все ясно. Они ушли в самом начале боя.

— Почему?

— Тролль берет пятнадцатичасовой след. А сейчас шесть вечера. Значит, так... Здесь мы ничего не найдем. Единственный выход — рыскать вокруг хутора расширяющимися кругами, пока Тролль не возьмет след. Кстати, а кто ушел?..

— Грицько и Бульба.

— Старые знакомые... Дай мне человек пять, только быстрых на ногу.

На третьем кругу Тролль аккуратно подобрал хвост, прижал уши и сел.

— Порядок! — обрадовался Русаков. — Теперь придется бежать. Перемотаем-ка, братцы, портянки. Начинается настоя-

щая работа. Раз Тролль сел, боясь помять хвост, значит, след взят. Это уж точно! Видите, отвернулся в сторону — дает отдохнуть носу и ждет, когда я сниму поводок и ошейник. Не волнуйтесь, сломя голову не помчится. Темп у Тролля давно отработан. Просто он любит работать самостоятельно, без подергиваний и понуканий.

Потом Русаков встал, передвинул пистолет на пояс, потрепал Тролля и скомандовал:

— Вперед!

Собака повернулась к следу, отошла чуть влево, вправо и ходкой рысью побежала в чащу. Осенью в лесу всегда сыровато, а собаке только это и нужно. В жару нос пересыхает и чутье становится хуже. А в туман, после дождичка да еще в лесу — лучшего и желать не надо.

Тролль работал так называемым челночным методом: он все время рыскал вправо и влево от следа. Так он убивал сразу двух зайцев: во-первых, давал отдохнуть носу и, во-вторых, как бы поддразнивал сам себя: потерял след — найди. Ага, вышел на самый сильный запах! Фу, так и бьет по ноздрям! Можно чутьчку уклониться.

Это, так сказать, профессорская работа. Большинство собак, взяв след, идут, как по шнуру. В результате быстро устают, обоняние от перегрузки сдает, передние ноги подкашиваются, а шея, какжется, вот-вот отвалится. И все это оттого, что собака бежит, уткнувшись в след. А ведь впереди преступник, и он никогда не ждет с поднятыми руками. Он будет драться с яростью обреченного, он вооружен. Значит, собака должна не просто прийти к нему по следу, но прийти сильной и хитрой. И еще: ни в коем случае нельзя стervenеть от злости. Вооруженный человек сильнее собаки, поэтому брать его надо мозгами, а уж потом и зубами.

Тролль отлично это понимал и потому торопился не спеша. К тому же нельзя отрываться от хозяина. Без него преступника взять трудно, а бегун он по сравнению с Троллем неважный. Поэтому Тролль предпочитал работать без поводка: вместо того чтобы тащить за собой хозяина и тратить на это силы, он бежал чутьчку медленнее, и только.

Ну вот, опять старый фокус. И почему люди решили, что если идти по воде, то собака потеряет след? А верхнее чутье на что? Ведь запах человека держится не только на земле, но и в воздухе. Если нет ветра, можно даже плыть по следу.

Тролль перебрался через речонку, потом долго шлепал по болоту. На бугорке он покрутился у дерева, сел и стал ждать хозяина.

У Русакова давно наступило второе дыхание, и бежал он легко, как на тренировке. Автоматчики, правда, отстали. Но бандиты, судя по всему, далеко, так что можно и не ждать.

На бугорке Русаков остановился, вылил из сапог воду, отжал портянки и только после этого подошел Тролля. Тот подошел с лукавой мордой заговорщика: одно ухо торчком, другое прижато, хвост трубой, зубы в оскале.

— Чего финтишь? — усмехнулся Русаков. — Выкладывай. Тролля сделал шаг назад и сел.

— И в кого ты такой хитрющий? — крикнул Русаков и полез за сахаром.

Когда Тролля подошел ближе и открыл пасть, Русаков обмер: на вздрагивающем языке лежала обгоревшая спичка и окурок.

— Молодец! — обрадовался Русаков. — Хорошо! Теперь им не уйти. Это уж как пить дать!

Пробежали километра три и наткнулись на потухший костер. Головешки еще теплые... Когда подошли автоматчики, Русаков сказал:

— Теперь совсем близко. Я, кажется, понял, почему мы их быстро догнали. За день можно было уйти черт знает куда, а нам понадобилось всего три часа. Так вот, главари в бою не участвовали. Они сидели в укрытии и следили за тем, как развиваются события на хуторе. К вечеру поняли, что банде крышка. Тогда-то и дали ходу. Поэтому Тролля идет так уверенно: след-то еще горячий... Часа через полтора догоним. Так что не отставать. И не шуметь. Брать живьем!

Сначала все шло нормально. Тролля перемахивал овражки, переплывал речонки, протискивался сквозь завалы. И вдруг — большая поляна. Тролля сразу оторвался от следа и пошел верхним чутьем: верный признак, что преступник близко. У раскидистого куста Тролля остановился. Уши прижаты, хвост поленом, зубы в оскале, и мелко-мелко вздрагивают ресницы. По этим ресницам Русаков всегда узнавал, что Тролля готовится идти на задержание. А раз так, преступник в поле зрения.

Окружить бы эту поляну, перекрыть отходы... Но автоматчики опять отстали. Жди их... А бандиты наверняка нас заметили и уж теперь-то драпанут во все лопатки!

Вдруг Русаков увидел человека, прыжком кинувшегося к толстеному буку. «Твой! — шепнул он Троллю. — Фас! Только тихо!»

Тролля прильнул к земле и пополз, огибая поляну справа. Выждав минуту, Русаков пополз влево. Миновав открытое ме-

сто, он достал пистолет, снял с предохранителя и шагнул к дереву.

Ба-бах! Справа грохнул выстрел. Русаков рванулся на звук, и в тот же миг прямо перед ним полыхнуло пламя. Пуля чиркнула по щеке. Падая, Русаков увидел чьи-то ноги, успел зацепить их рукой, и человек грохнулся наземь. Пистолет оказался под ним. Своей огромной тушей он чуть не расплющил руку. Во всяком случае, пальцы разжались, и Русаков оказался безоружным... Где-то у лица мелькнула борода, а на лоб со свистом опускалась рукоятка «вальтера».

Русаков дернулся в сторону, и рукоятка шмякнулась о землю. Рывок за бороду, коленом — под ребра, и бандит откатился к дереву. Всего мгновение лежал он вниз лицом, всего мгновение не видел Русакова, но этого было достаточно, чтобы вскочить, подбросить себя вверх и каблуками сапог врезаться в кисть, сжимавшую «вальтер». Бульба, а это был он, ойкнул, выпустил пистолет, но тут же перевернулся через голову, вскочил и, петляя, бросился в кусты.

Русаков схватил пистолет. Прицелился. Мушка прыгала перед глазами, упираясь в спину бандита. Нет, в спину не годится. А в ноги не попасть. Надо успокоиться. Он вздохнул. Выдохнул. И мягко нажал на спуск... Бульба подпрыгнул, нелепо взбрыкнул ногой и шлепнулся в лужу.

Теперь вперед! Быстрее! Еще быстрее! Иначе будет поздно. Живыми главари бандеровцев не сдаются. А этот тип нужен живой. Только живой! В лесах еще немало его дружков... Когда Русаков подбежал к Бульбе, тот тянулся к поясу, на котором висел кинжал.

— Нет, гад, зарезаться не дам! — крикнул Русаков и рванул его пояс.

Надо знать прочность широкого кожаного ремня, чтобы представить силу, которая могла бы его разорвать. Русаков далеко не богатырь, но в этом рывке была вся его ярость, вся ненависть к бандиту, от руки которого погибли десятки ни в чем не повинных людей, погибла и Ганка.

Русаков связал Бульбе руки. Наложил жгут на простреленное бедро. Сел. Стер со щеки кровь. Потом вскочил и прямо через кусты бросился на другую сторону поляны.

«Первый выстрел прозвучал оттуда, — вспомнил Русаков. — Но если Троль убит, почему Грицько не помог Бульбе?»

Когда Русаков вырвался на крохотную лужайку, когда перепрыгнул через лужу крови, ползущую из-за поваленного дерева, он увидел два трупа. Далеко откинута рука бандита... Пистолет... Неестественно вывернутая голова... На горле — сом-

кнутые клыки Тролля... А во лбу собаки дырочка от того единственного выстрела.

Русаков нагнулся к Троллю. Попытался разжать зубы. Ничего не вышло: мертвая хватка. Пришлось вставлять рукоятку пистолета и раздирать пасть собаки.

Русаков взял Тролля на руки: здоровенный пес стал удивительно легким, он как-то весь переломился и обвис на руках хозяина. Русаков вышел на поляну, опустил Тролля и положил его горбоносую голову на колени. Потом достал платок, вытер кровь с зажмуренных век, обнял его заострившуюся морду и... заплакал. Нет, слез у Русакова не было, на собачью морду капала кровь с раненой щеки. Русаков вытирал свою кровь, вытирал кровь, сочившуюся из раны Тролля, и без конца баюкал простреленную голову.

А где-то под сердцем с хрипом рождалась мелодия, где-то на одеревеневшем языке начинали звучать слова: «П-постелите... мне стель... З-занавесьте мне окна... т-туманом...»

Нет, никому и никогда не понять до конца состояние Русакова! Ведь собака для настоящего проводника — это не просто животное, это друг, это ребенок, это существо, преданность и верность которого не знает границ. Сколько вложено в такую собаку сил, ума, терпения! А сколько жертв пришлось принести ради нее! Пустяк вроде бы — накормить. Но ведь ни от кого другого, кроме хозяина, она ничего не возьмет. Так что где бы ты ни был — в отпуске, командировке, на собственной свадьбе или похоронах друга, — а два раза в день явись с бачком каши.

«В изголовье повесьте... упавшую с неба звезду».

Бедный Тролля, если б ты знал, как часто твоему хозяину хотелось вот так, как сейчас, взять твою голову, погладить, приласкать! Но ты собака-солдат, и никаких ласк тебе не положено.

На поляну вышли автоматчики. Они поняли, что дело сделано, и не приставали с расспросами. Русаков последний раз погладил Тролля. Дунул в ноздри. И... отпрянул! Снова дунул. Ноздри вздрогнули... и с шумом втянули воздух! И какой воздух! Воздух, пахнувший хозяином! Что еще нужно собаке?! Шевельнулся кончик хвоста, шевельнулось похолодевшее сердце Русакова. Он вскочил и побежал делать носилки.

* * *

— Вот и отдохнули, — сказал старик и встал. Сделал шаг... Другой... Опять зазвенело в ушах... В глазах запрыгали зайчики... Он повернулся к скамейке... Потянулся к спинке. Не достал. И медленно опустился на землю.

Тролль почувствовал, что происходит что-то неладное. Тако-го с хозяином никогда не было: идти не может, дышит с хрипом. Тролль забеспокоился, суетливо забегал вокруг хозяина, таякнул. Но он молчал. Лежал, уткнувшись в землю, и молчал.

Тролль лег рядом и, поскуливая, ловил редкое дыхание хозяина. Потом взял его за плечо и осторожно перевернул на спину. Тролль был слеп, но всем своим нутром почувял: хозяину очень и очень плохо. И тут в старой больной собаке проснулся решительный и сильный пес: он уже точно знал, что надо делать. Вспомнить бы только дорогу... Тролль лизнул хозяина, схватил его фуражку и побежал.

Была мягкая летняя ночь. Еще не заснули сторожа магазинов, еще сидели у подъездов дворники, еще бродили влюбленные парочки, и все они жались к подворотням и шарахались в сторону: посреди улицы, не разбирая дороги, мчался огромный, лохматый пес.

Через три квартала он повернул направо... Потом налево... Остановился. Вернулся назад и бросился в боковую улочку.

Знакомый двор. Запах сирени. Два прыжка через детскую площадку. Вот и скамейка у подъезда. Тролль уловил слабый запах хозяина и другой, тоже хорошо знакомый. Значит, нашел.

Тролль ринулся к двери, вскинулся, ударил лапами. Ничего не вышло: дверь открывалась наружу. Попытался зацепить зубами или когтями — бесполезно.

Тогда Тролль обежал вокруг дома, нашел на первом этаже окно, из-за которого шел запах Ганки, и залаял. Залаял?.. Тролль не узнавал своего голоса. Вместо отрывистых, басовитых рыков вырвался какой-то сильный хрип.

А время шло... В нескольких кварталах отсюда на земле лежал хозяин, и ему нужно было помочь. Тролль же сидел, как будто ничего не произошло, и пытался понять, что же случилось с его голосом. Нет, так дело не пойдет! Он схватил фуражку, попятился назад, покрутил носом, примерился к нужному окну, разбежался и прыгнул. Раздался треск дерева, звон стекла, крики людей! Но Тролль уже ничего не слышал...

Была мягкая летняя ночь. Еще не заснули сторожа магазинов, еще сидели у подъездов дворники, еще бродили влюбленные парочки, и все они жались к подворотням и шарахались в сторону: посреди улицы, не разбирая дороги, бежала молодая простоволосая женщина, а в руке была зажата старенькая милицейская фуражка.

СОДЕРЖАНИЕ

В сантиметре от смерти	3
Закон леса	14
Пистолет Гудериана	26
Последний бросок	38

Борис Николаевич Сопельняк

ПОСЛЕДНИЙ БРОСОК

Редактор М. М. Жигалова.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Сдано в набор 21.02.80. Подписано к печати 12.05.80. А 00361.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Новогазетная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,06.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 1285. Зак. 2022. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Цена 20 коп.

Индекс 70668

ЗНАКОМЬТЕСЬ — «ИЛГА-301»!

Надежность, уверенный прием радиостанций, хорошие акустические данные — ВСЕМИ ЭТИМИ ДОСТОИНСТВАМИ ОБЛАДАЕТ ПРЕДСТАВЛЕННАЯ МОНОФОНИЧЕСКАЯ РАДИОЛА.

Универсальное электропроигрывающее устройство радиолы отлично воспроизводит грамзапись на трех скоростях с пластинок любых форматов.

И еще одна особенность — выносная акустическая система «Илги» обеспечивает достаточную мощность звучания.

Цена радиолы — 130 руб.

ЦКРО «ОРБИТА»

